

КНИГА, КОТОРУЮ НАПИСАЛА НЯНЯ

Лана Верджине

Лана Верджине

Книга, которую написала няня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69628591

SelfPub; 2023

Аннотация

Моя книга не о том, как попы подтирают и памперсы меняют. В своей книге я рассказываю о нас с вами, о наших детях, об испытаниях, которые нам преподносит жизнь, и не только. «Не только» может шокировать, в книге много мистики, но все события реальная правда жизни, и у каждого из нас она своя. Книга неординарная, на ее страницах я делюсь событиями, которых в вашей жизни, возможно, не было и никогда не будет. Но, у вас будут другие. Хочу предложить посмотреть на то, что, с нами происходит немного под другим ракурсом. Я покажу вам те, стороны жизни, в которые вы никогда не заглядывали, и в которые судьба вас, скорее всего, не заносила. Немного раскрою тайны бытия, не всем ведомые. И расскажу, почему точно знаю о том, что каждому из нас уже заранее предписано, куда завтра пойдем и с кем встретимся. Книга добрая, поучительная и совсем не скучная, улыбок и позитива в ней предостаточно. Я болею душой как за детей, так и за нас, за родителей. Я хочу помочь всем нам стать чуточку лучше.

Содержание

Знаки свыше	5
О том, как я начинала	9
Жизнь подскажет, судьба направит	22
Сон моей дочери	30
Последствия сна. И немного об этом	38
А теперь правда о том, как я начинала	41
Я поняла, чем должна заниматься в этой жизни и какую пользу могу нести	45
О том, как прошел наш сегодняшний день с Максимкой, с младшеньким, 07.07.2017	50
Об агентствах, которые набирают нянечек. О том, кто и почему работает нянями. И о том, почему мне ничего не предлагали	61
Я выбираю, меня выбирают	77
Мое первое знакомство с Максимкой и его мамой	94
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Лана Верджине

Книга, которую написала няня

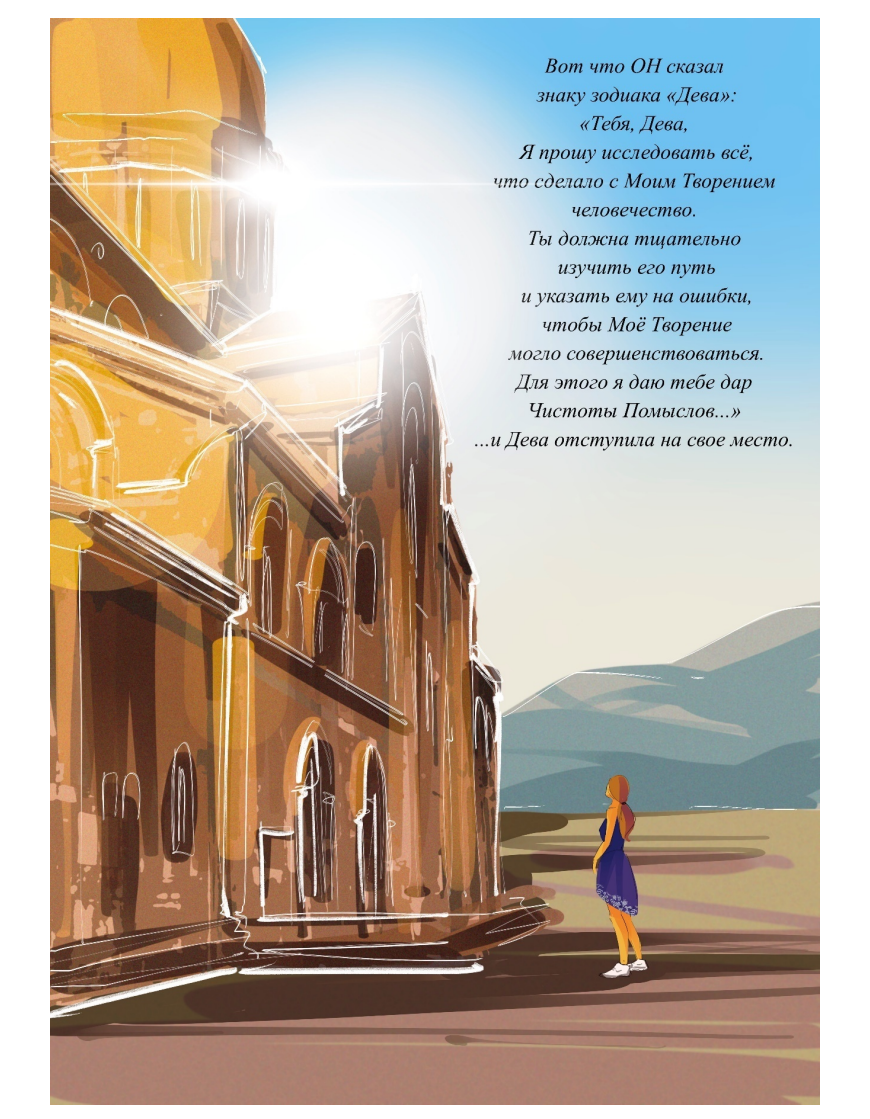
«В работе над книгой мне была оказана помощь со стороны двух редакторов. Каждый из них помог мне в меру своих возможностей, и за это спасибо! Но перед выходом книги в свет я все же приняла решение обрмить ее в свою собственную редактуру, что, конечно, заняло много больше времени и отняло много сил, так как я не редактор, не корректор и не писатель и взялась совсем не за свое дело, зная, сколько людей обычно задействовано в работе над текстом и над самой идеей. Но для меня важно было вернуть и сохранить свои эмоции, свое настроение и свои истинные впечатления. Немного обеспокоена тем, что, возможно, это не самым лучшим образом отразится на качестве восприятия книги, но все же больше уверена в том, что интерес от этого к ней меньше не станет».

Знаки свыше

*Н*икак не могла начать писать эту книгу. Ну никак, и все тут! Постоянно откладывала на потом, думала: а вдруг это никому не будет интересно, а значит, и нужно никому не будет. Но сердце говорило обратное. И знаки, время от времени появляющиеся в моей жизни, ясно давали понять – пора начинать... Но ведь я никогда не писала книг.

А потом был еще один знак, который окончательно убедил меня, что откладывать больше нельзя. Как-то утром выхожу из подъезда, подхожу к своей машине и вижу – на лобовом стекле, под «дворником», лежит перо птицы. Смотрю на него и думаю: на голубиное не похоже, большое слишком для голубя, на перо вороны тоже – цвет не тот. Хотя понятно, что других вариантов особо и нет – либо голубь, либо ворона. Первая мысль была, что вероятно, птица застряла под «дворником», но как она туда могла попасть? Глупая мысль, ведь «дворники» в своем обычном положении, как и должно быть плотно прижаты к стеклу. Сигнализация у машины не срабатывала, следов птичьих боев на капоте и на стекле не было. Только специально можно вот так его, это перо, туда положить, а точнее подложить. Но кому и зачем это надо? Так и не поняла, как это загадочное перо, совершенно неповрежденное и аккуратно прижатое к стеклу автомобильным «дворником», смогло там оказаться.

Взяла его в руки, села в машину, сижу, смотрю на него. На доли секунды мысли перенеслись во времена, когда перо обмакивалось в чернила и наши предки писали историю. И я так отчетливо себе это представила, что и в самом деле захотелось начать писать. Но это был и очередной знак свыше, который еще раз убедил меня, что откладывать более нельзя, и после которого твердо решила – пора браться за книгу. Значит, это кому-нибудь нужно.

Вот что ОН сказал
знаку зодиака «Дева»:
«Тебя, Дева,
Я прошу исследовать всё,
что сделало с Моим Творением
человечество.
Ты должна тщательно
изучить его путь
и указать ему на ошибки,
чтобы Моё Творение
могло совершенствоваться.
Для этого я даю тебе дар
Чистоты Помыслов...»
...и Дева отступила на свое место.

P.S. Имена всех персонажей изменены.

О том, как я начинала

Судьба часто забрасывает меня в семьи, где не родителям нужно помогать, а детей спасать. И такой поворот событий был для меня немного неожиданным.

О том, как воспитывают детей, как и все мы, в большинстве своем, я судила по примеру родственников, друзей, знакомых. Но даже среди своего окружения я наверняка знала не все о том, как там воспитываются дети. Но того, что наблюдала, было вполне достаточно, чтобы понимать, что детей там точно спасать не надо. Любви, заботы, внимания, как, впрочем, и строгости в воспитании, дети в этих семьях получали достаточно, что я и могла наблюдать в процессе нашего многолетнего общения. Тем не менее мои рассуждения на предмет того, какую семью можно назвать благополучной, а какую нет, так и не привели меня к четким и однозначным выводам.

В одной семье, на первый взгляд вполне благополучной, мне пришлось пообщаться с ребенком, психика которого была крайне неуравновешенной, а его поведение делало обстановку в семье совершенно невыносимой. И причиной тому – неправильно выстроенные отношения родителей с ребенком. И вот другая, к примеру, семья, без сомнения, неблагополучная, которую знаю уже долгие годы, и в которой отец семейства длительное время злоупотреблял алкоголем, и до-

ходило у него это состояние вплоть до белой горячки, в то время как жена его работала на трех работах, чтобы хоть как-то прокормить, одеть и обуть двоих детей. Ценой нечеловеческих усилий этой женщине все же удалось убедить мужа пройти курс лечения от алкоголизма, после чего обстановка в семье в корне изменилась. Мужчина начал работать не покладая рук, старался сделать для семьи все, что было в его силах. Да и дети у них, надо сказать, выросли замечательные – воспитанные, добрые, умные и не проблемные.

Семьи, в которых родители пьют, ведут аморальный образ жизни, не занимаются воспитанием своих детей, в нашем обществе называют неблагополучными. Но и семьи, в которых царят разлад и непонимание, в которых умерли любовь и уважение, где измены и предательство, ведь тоже не являются благополучными. Обстановка в таких семьях порой бывает абсолютно невыносимой, и дети там страдают не меньше. Но кто, как не мы, родители, должны понимать, насколько нелегко детям нести на плечах психологический груз наших бесконечных «взрослых» проблем, кто, как не мы, просто обязаны беречь такую ранимую детскую психику и стараться наконец уже быть разумнее.

В одной из семей, куда забросила меня судьба, мама детей была женщиной совершенно неуравновешенной. Если она начинала ругаться, то крик ее сразу же переходил в откровенную истерику. Она могла кричать на детей не только до-

ма, но и на улице, в присутствии соседей и совершенно посторонних людей, абсолютно ни в чем себя не сдерживая и никак не контролируя свои эмоции. Такой же неуправляемой в плане эмоций была и ее двенадцатилетняя дочь – в школе учителя мечтали «избавиться» от девочки, а родители подруг запрещали им общаться с ней. Об этом без стеснения рассказывала сама мама. И, конечно, мне пришлось не только наблюдать отвратительное поведение девочки по отношению к окружающим, но испытать и на себе.

И был в этой семье мальчик Миша восьми лет – к слову, замечательный ребенок, который панически боялся своей сестры и не желал оставаться с ней наедине, так как она, впадая в состояние неконтролируемого гнева, не раз предпринимала попытки душить его. Мишутка рассказывал мне, как дважды она набрасывалась на него, накрывала ему лицо подушкой, пытаясь изо всех сил удерживать ее руками. А когда силы ее были на исходе, так как он делал мучительные попытки вырваться, она садилась на подушку и, обхватив его ногами, еще сильнее начинала на нее давить. Она запугала брата до такой степени, что с моим появлением в их семье он стал ходить за мной как хвостик, хватался за меня как за спасительную соломинку, не оставаясь один ни на минуту. Девочка выплескивала на окружающих столько злобы, ненависти и зависти, что ожидать от нее можно было все, что угодно.

Мишутка ложился спать только в моем присутствии, так

как сестра, находясь в своей комнате, умудрялась издавать какие-то невообразимые звуки, которые пугали брата и доводили его до истерики. Она могла заранее спрятаться под его кроватью, чтобы «завыть волком» именно в тот момент, когда он начинал засыпать. Зная все эти ее «приемы», я вытаскивала девчонку из-под кровати брата, каждый раз давая понять, что подобные поступки не делают ее умнее. Мама детей, к сожалению, относилась ко всему этому ... да, в общем-то, никак.

Рассказанное мной, наверняка может показаться кому-то обычными детскими шалостями, если, конечно, не учитывать тот факт, что сестра дважды пыталась задушить брата, била его по голове при любом удобном случае и запугивала до такой степени, что у мальчика было регулярное недержание.

Я не знаю хорошо историю этой семьи, знаю только, что дети в раннем возрасте были отданы на воспитание бабушке с дедушкой и виделись со своей мамой очень редко, так как с ними она не жила. Когда бабушка тяжело заболела, она вынуждена была вернуть детей матери. Вот тогда эта самая «мать» и начала искать помощницу, так как заниматься детьми у нее не было никакого желания.

Мне дико было слышать, как мама детей отзывалась об их бабушке, которая на тот момент была неизлечимо больна. Не стесняясь в выражениях, она при детях озвучивала свои обиды и претензии к бабушке, рассуждая, что та долго не

протянет, чего ей и желала. Обиды же, как выяснилось, были вызваны тем, что бабушка заболела не вовремя и вернула ей детей в самый неподходящий момент.

Миша, видимо, впитал воспитание бабушки с дедушкой, был добрым и понимающим ребенком и, предполагаю, больше пошел характером в отца, которого я никогда не видела, но уж точно не в мать. Он всегда пытался помочь, когда его о чем-то просили, с уважением относился к девочкам, даже несмотря на то, что рядом был такой отвратительный пример в виде его сестры. У него было какое-то врожденное благородство. Всегда от всех наполовину скрытые его нервозность и раздражительность никогда не доходили до крайностей, в том виде как это проявлялось у его сестры и мамы. Еще он панически боялся учиться читать, и очень отставал в этом, так как учила его сестра, которая всегда кричала на него, била головой о стол и постоянно твердила, абсолютно не стесняясь в выражениях, что он «полный идиот, дурак и дебил».

Мне не потребовалось много времени, чтобы снять у Миши страх к чтению и к обучению в целом. Достаточно было проявить к ребенку немного любви, понимания, терпения, подбодрить добрыми словами, сказать что он умный, что у него все хорошо получается и что он все сможет. Однако сестра, находившаяся в такие моменты рядом, слыша в адрес брата слова одобрения и поддержки, тут же начинала выкрикивать оскорбления в его адрес, пытаясь в очередной раз унижить его и довести до слез.

Если же ругались мама с дочерью, то в их перебранках обильно использовалась нецензурная лексика со словами оскорблений, криками и визгами. Уровень развития и воспитания мамы не сильно отличался от уровня развития и воспитания ее двенадцатилетней дочери.

Глава семейства жил в другом городе и периодически высылал им деньги, которые «прогуливались» мамой и дочкой – каждой по-своему. Когда деньги у них заканчивались и мне ставилась задача накормить детей, а в холодильнике на ближайшие три дня в ограниченном количестве оставались курица, яйца и молоко, то приходилось выкручиваться. Макароны еще правда были, и мука выручала, пекли блины.

В те редкие моменты, когда звонил папа детей, общалась с ним, как правило только дочка. Иногда она сама ему набирала, возмущенная тем, что он долго не звонит, и потому что ей нужны деньги. Она жаловалась на маму, говорила, что жить с ней невыносимо, и просила, чтобы папа забрал ее к себе. Мишутка никогда не разговаривал с ним. Пару раз я спрашивала его почему он не общается с папой, на что в ответ всегда была полная тишина, и мне никак не удавалось вытянуть из него ни слова. Меня беспокоило что он уходил в себя, когда мы затрагивали эту тему, и мне казалось, что ему просто необходимо выговориться. Догадывалась, что вероятно этот вопрос, был болезненный для него, и решила, что, может, как-нибудь потом мы обязательно поговорим с ним об этом. Мама категорически отказывалась общаться с

отцом своих детей, но это уже их взрослые дела.

В конце концов мне все-таки пришлось уйти из этой семьи, так как все дальнейшие отношения с мамой этих детей продолжать по многим причинам я, более, не могла. И переживала, конечно, за Мишутку: сколько еще придется ему терпеть это психологическое давление и все эти унижения со стороны своей сестры. Проведя с ней определенную работу за время нашего общения, назовем это воспитательным процессом, я все же верила, что, пусть хоть немного, но мне удалось вселить в нее капельку добра и человечности. Иногда рассказывала ей про своего брата, который ушел из жизни, когда ему было всего двадцать четыре года, пытаясь тем самым дать понять, что все в этом мире непостоянно и надо ценить, любить и учиться понимать родных и близких, когда они рядом с нами, и обязательно беречь. При всем моем отвращении к повседневным, ужасающим своей жестокостью поступкам и вульгарному поведению этой девочки, старалась не показывать ей весь свой негатив по отношению к ней, старалась решать все конфликтные ситуации, собрав всю свою волю в кулак, по-доброму и по-дружески. Ведь только добро может сеять добро. Но при этом немало возникало ситуаций, когда я была по отношению к ней и строгой, и требовательной.

Как-то девочка приболела, слегла с высокой температурой. Мама ее, находясь в соседней комнате, за весь вечер ни разу не подошла к дочери и ни разу не поинтересовалась, как

она себя чувствует. Чтобы хоть немного сбить температуру, помимо лекарств я приносила ей воду и заставляла пить. В какой-то момент, ощутив особую жалость к этому ребенку, когда она уже засыпала, я поцеловала ее в лобик. Мне очень хотелось верить, что мое теплое отношение, обязательно посеет в ней зерна доброты и сострадания. Мне хотелось помочь ей, хотелось показать примером, что нельзя жить только ненавистью, мне хотелось сделать ее лучше.

Как только я завоевала доверие и уважение девочки, а на это ушло месяца три, уже можно было хоть как-то влиять на ее поведение, на ее воспитание, на ее отношение к окружающим. Она начала прислушиваться ко мне, советоваться со мной и даже делиться сокровенным. А однажды она меня обняла, в благодарность за разрешение ее неразрешимой проблемы в отношениях с подругой.

Но надолго ли хватит того тепла и доброты, которые я с таким трудом взрастила в ней? Думаю, ненадолго, если учитывать, кто и как воспитывает ее. И как там сейчас Мишутка? Каким он вырастет, воспитываясь в этой семье? У него очень доброе сердце, он обладал какой-то, как мне казалось, природной интеллигентностью, но вероятнее всего это тоже заслуга бабушки с дедушкой, это они успели заложить ему основы мужского воспитания и порядочности. Верю, что он вырастет хорошим человеком, у него хорошая энергетика, возможно, не малого достигнет, если, конечно, выстоит в условиях такого жесткого морального давления со сторо-

ны сестры и явного безразличия ко всему происходящему со стороны мамы.

После, пригласили меня в семью с двумя девочками, сестренками. Мама – бизнесвумен, очень уверенная в себе женщина, папа – в поисках работы, какой он человек сразу и не определишь, но по понятным причинам нервный, с частыми приступами раздражительности. Сразу вспоминается как возили одну из девочек на занятия верховой ездой. За рулем был папа, на протяжении всего пути он пытался обогнать каждый проезжающий мимо нас автомобиль, если обгоняли его, он тут же заводился с пол-оборота и начинал устраивать обгоны с торможением, подрезанием и прочими маневрами, характерными для подобных ситуаций. Находясь вместе с ним в машине, мы постоянно пребывали в состоянии стресса, и каждый раз я замирала в ожидании, что кто-нибудь из невольных участников этих соревнований не выдержит, выйдет из своей машины и отдубасит зачинщика по полной программе. К счастью, таких совместных поездок было немного. В дальнейшем я предложила возить девочку на занятия верховой ездой на своей машине. В дороге я включала ей легкую, спокойную музыку, под нее она могла подремать или просто расслабиться, и в такой обстановке общаться с ней было гораздо легче.

Девочки были погодками – одной семь, другой восемь лет. С той, которая была помладше, я прекрасно находила общий

язык, мы понимали друг друга в буквальном смысле с полуслова. Другая, что постарше, была ребенком озлобленным, с ней было сложно (вот ее-то я и возила на занятия в секцию верховой езды). Родители же, напротив, лучше находили общий язык со своей старшей дочерью.

В один из дней мне с детьми нужно было идти в поликлинику, чтобы взять для старшей девочки справку у врача о разрешении посещать школу после болезни. Когда пришло время выходить из дома и младшая уже была в полной готовности, у старшей вдруг резко изменилось настроение, она залезла на шкаф и категорически отказалась куда-либо идти. Не помогли ни уговоры, ни разговоры, ни даже звонок мамы с работы. Я понимала, что ситуация зашла в тупик и ребенка на какое-то время надо оставить в покое. Ни о какой поликлинике речи идти уже не могло. Она сидела на шкафу, злобно смотрела на нас и разговаривать не желала. Как только мы вышли из комнаты, она тут же захлопнула за нами дверь и, за то время пока мы находились на кухне, придвинула к двери комод и закрылась на замок. Тогда я еще не знала, как можно было открыть его с моей стороны, это потом мне показали. Всегда думала: все должны понимать, что замки на дверях в детскую делать нельзя, хотя что осуждать, может, уже въехали в такую квартиру. Ни на какое общение, ни со мной, ни с сестрой девочка идти не хотела. С ужасом я отметила про себя, что этаж, на котором жила эта семья, высокий, решеток на окнах, конечно же, нет. Вот тут меня

охватила паника, ведь ребенка я знала еще недостаточно хорошо и не понимала, что от нее можно ожидать и что могло прийти ей в голову. Я тут же перезвонила маме девочек, мама связалась с папой, и папа, к счастью, находясь не так уж и далеко, уже минут через двадцать был дома. По отлаженным действиям папы я поняла, что все это происходит не впервые.

В детской комнате, где произошла эта ситуация, да и на кухне тоже, видеокамеры стояли. Правда, было у меня ощущение, что это муляжи. После случившегося твердо для себя решила, что, если меня будут приглашать в семьи с детьми возрастной категории от шести лет и старше, то без наличия в квартире камер видеонаблюдения, пожалуй, не раз подумаю, соглашаться на дальнейшее сотрудничество или нет. Желательно, чтобы и решетки металлические на окнах тоже были установлены.

Спустя, наверное, месяц, как начала посещать эту семью, заметила у младшей девочки синяки на шее – четко отпечатавшийся на коже след от пяти пальцев руки. Когда я решила удостовериться и спросила, что это такое и откуда, она неохотно рассказала мне, что на днях папа разозлился на нее сильно и в гневе схватил рукой за шею. В один момент я представила: это с какой силой нужно было сдавить шею ребенка, чтобы остались синяки? Я попыталась выяснить, часто ли папа так делает, на что она ответила, что такое было впервые, однако ругается и замахивается на нее он достаточ-

но часто. Я же всегда наблюдала, как девочка радостно обнимает папу, когда он приходит домой. Да и он всегда был внимателен и к ней, и к другой дочери. Возможно, это действительно был единичный случай, но после, я стала чаще спрашивать младшую о том, как проходит каждый их день в отсутствие меня.

Надо сказать, что родители девочек – люди не пьющие, обеспеченные, порядочные – для дочерей старались сделать все, что могли. Дети посещали различные секции, у них была разнообразная культурная программа, им покупали наряды и старались ни в чем не отказывать. Но что-то, конечно, в семье было не совсем в порядке. Впрочем, как и в большинстве семей, которые мне довелось посещать.

К слову, недолго мне пришлось сотрудничать с этой семьей. Родители пригласили меня в надежде на то, что папа устроится на новую работу, а девочки останутся под моим присмотром. Но папа не отработал и трех месяцев. На этом мои посещения закончились.

Конечно же, мне встречаются семьи, в которых между родителями и детьми царят любовь и взаимопонимание, но это единичные случаи. Да и кто знает, сегодня у них так, а как будет завтра – неизвестно. Но зато, когда приходишь в такую семью, даже тебя, постороннего человека как будто окутывает облаком тепла, доверия и единения: и радость на душе, и гармония, и какое-то особенное настроение витает в возду-

хе. Это наполняет энергией, придает уверенности, как будто тебя кто-то защищает. И хочется, чтобы так было у всех и всегда.

Жизнь подскажет, судьба направит

В восьмидесятые для поступления в ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт) необходимо было (а может, это была рекомендация, уже и не помню) отработать два года либо в суде, либо в милиции, либо в ГАИ. По окончании школы на два года меня пристроили в ГАИ, через знакомых.

Работая секретарем в ГАИ, прошла краткий курс обучения на Петровке, 38. Мне было интересно, хотелось понимать специфику работы следователей, дознавателей. Однажды даже довелось быть участником «учебной тревоги» – мероприятия, которое проводилось в нашем подразделении.

<Учебная тревога>

Как-то рано утром, может часа в четыре утра, в квартире раздался телефонный звонок. К телефону ответить подошел папа, недоумевающий, кому это понадобилось звонить в такое раннее время. Он взял трубку и хриплым спросонья недовольным голосом проговорил:

– Алло! Вы с ума что ли сошли, какая учебная тревога? Шутники... (далее последовала нецензурная лексика).

Папа бросил трубку на корпус телефона и уже было направился к своей кровати, но тут звонок раздался снова. В полной готовности излить очередную порцию своего гнева на звонившего, он поднял трубку... но тут услышал, как звонивший уже вежливо представился (чего не случилось при

первом звонке), назвал номер подразделения ГАИ, назвал мои фамилию, имя и отчество, и попросил пригласить к телефону.

Папа, уже окончательно проснувшийся и почти поняв, что к чему, обращаясь ко мне по фамилии, имени и отчеству, с ноткой юмора в интонации прокричал, в приоткрытую дверь моей комнаты:

– Просыпайтесь, вас к телефону! Учебная тревога, куда-то ехать надо срочно!

Проснувшись, и пока еще не осознавая что происходит, с удивлением посмотрела на папу, зачем-то в ночи стоящего у телефона. Он повторил:

– Иди, тебя к телефону.

По-прежнему не понимая, что же от меня хотят, с трудом поднявшись с подушки и опираясь на нее локтем, подкладываю руку под голову, прижимаю ладонь к уху и говорю:

– Алло!

Папа смеется и опять повторяет:

– К телефону тебя! Да не к тому, – указывает на мою руку, которую я подложила себе под ухо. – А вот к этому, – и показывает на телефонную трубку в своей руке. И смеется стоит надо мной.

Заехал тогда за мной сослуживец на машине, проживающий в одном районе со мной. Когда приехали в отделение ГАИ, обстановка, царившая там меня, озадачила: кто-то ходил в противогазах, кто-то без них бегал и суетился, кто-

то просто сидел, расслабившись положив нога на ногу. Для контроля над исполнением и прохождением данного мероприятия в отделение прибыло руководство из вышестоящей структуры. Когда они закончили с проверкой более глобальных вопросов, дошло дело и до меня. Они расспрашивали о системе хранения, регистрации и движения документов, за которые я несла ответственность и которые находились у меня в сейфе, расположенном в углу комнаты, где и было мое рабочее место, перед входом в кабинет начальника ОГАИ: это были водительские права, талоны предупреждения изъятые у водителей, а также протоколы, составленные инспекторами гаи на месте нарушения. Много было и других разных вопросов административного характера, но и без шуток не обошлось в процессе общения, что делало обстановку менее напряженной и более доброжелательной.

Наше ОГАИ, отдельно стоящее вдоль шоссе маленькое здание, утопало в зелени, и был это обычный сорняк, который по своей высоте местами уже закрывал окна первого этажа. Пару раз мы обращались в соответствующие службы района с просьбой скосить, уже наконец, все эти заросли, но никаких ответных действий так и не последовало. По завершении «Учебной тревоги» кто-то из руководства еще раз упомянул о том, что пора бы наконец привести в порядок и территорию, а то уж слишком запущено все выглядит. А так как к концу мероприятия уже рассвело, то, приглядевшись еще более внимательно к обильной растительности, они, вдруг,

вынесли неожиданный вердикт, что разросшийся многолетний сорняк не что иное, как конопля, после чего незамедлительно последовал вердикт второй – «Скосить немедленно!» На следующий день повыдергивали, вручную.

По окончании мероприятия руководство нашего ОГАИ вынесло мне устную благодарность за четкие и правильные ответы на все поставленные передо мной административные вопросы. Также упомянули, что, возможно стоит уже задуматься и над тем, чтобы пройти подготовку и обучение, для прохождения аттестации: получу звание сержанта, а потом можно учиться и дальше, двигаться по должностной лестнице. Я отказалась от предлагаемых мне перспектив, так как в дальнейшие мои планы такой поворот событий не вписывался. Какие-то другие, видимо, открывала перед собой горизонты.

В тот день мы задержались на службе, и заместитель начальника ОГАИ предложил довезти меня до дома на служебной машине с водителем. Это был замечательнейший человек, к которому относились все с большим уважением за его порядочность, за его умение достойно разобрать и разрешить любую сложную ситуацию и за многие другие качества. А жил он, как оказалось, не по далеку от меня, только мой дом находился по одну сторону шоссе, а его дом – по другую. Дорога к моему дому проходила через переулок, который носил название «Сержантский», на что внимания никогда не обращала, так как на автомобилях ездила редко,

пользовалась общественным транспортом, который двигался по шоссе. Да и это место жительства было для меня относительно новым, еще свежи были в памяти воспоминания о недавнем переезде из старой квартиры в новостройку. Так вот, увидев название переулка – «Сержантский», мои сопровождающие не преминули тем, чтобы сразу же не прокомментировать ситуацию, с широкими улыбками на лицах давая понять, что это знак и что надо обязательно пройти аттестацию и получить звание сержанта. Но не сложилось...

Имея работу и почувствовав вкус заработанных своим трудом денег, решила отложить поступление в институт как-нибудь на потом. Спустя два года я ухожу из ГАИ, зарплата мне уже кажется маленькой, а взятки брать не умею, хотя предлагали постоянно. Все изъятые у нарушителей водительские удостоверения и талоны предупреждений находились в сейфе под моим контролем. Поэтому, меня, девчонку восемнадцати лет, обхаживали со всех сторон, пытались подкупить дорожными подарками и конвертами с деньгами. Словом, соблазн был велик. Я знала, что другие брали взятки, в течение многих лет брали, и ничего, все с рук сходило. Но также знала, что были и те, кому не везло, когда слышала фамилии кого взяли с поличным. Спать я хотела спокойно, да и жадность – не мой конек. А одну единственную взятку, которую мне практически впихнули, как будто под гипнозом, я на следующий же день поехала и вернула. И была она от сотрудницы отделения милиции. Когда она увидела

меня, в ее глазах был нескрываемый испуг, а когда я вернула ей деньги – она впала в оцепенение, думаю оттого, что таких дур никогда ранее, наверное, не встречала.

Работу на тот момент я нашла более высокооплачиваемую, пусть и не на много. И, правда никаких перспектив она передо мной не открывала. Но там я встретила свою судьбу (на ближайшие тринадцать лет) – своего мужа, отца моей дочери. Перестройка в самом разгаре, бушует, оставляет без работы в том числе и специалистов с высшим образованием, всегда получавших хорошие оклады, но и они вдруг, в большинстве своем становятся нищими. Хорошая стабильная зарплата и гарантированное рабочее место были на тот момент для меня важнее, чем учеба в институте. Почти каждые два года меняла работу на более высокооплачиваемую – коммерческая деятельность процветала. Отказаться от своего личного заработка я уже никак не могла. Не до институтов мне было, мечта стать адвокатом так и осталась в прошлом.

Отработав в офисах более двадцати лет, я поняла, что офисная работа выжала из меня все соки. К сорока с лишним годам в полной мере осознала, что больше не могу и не хочу. Но я совсем не понимала, чем именно можно заниматься и что надо делать, чтобы выбраться из офисной клетки. Подсказал случай, а потом другой.

Уволившись с последнего места работы, точнее, попав под сокращение, так как фирма разорялась, я находилась пару месяцев в поисках, а это время тоже ведь надо было на что-

то жить. Одни не самые близкие знакомые попросили меня посидеть с их детьми. Это было летом, и, поскольку никому из них не давали отпуск на работе, а их бабушка должна была приехать только через месяц, то я решила помочь им. И надо сказать, что согласилась я на это предложение безо всякого удовольствия, потому что, если честно, никогда особо и не любила детей, за исключением своих, конечно, уж очень я недолюбливаю чужих невоспитанных детей, а их, к сожалению, большинство. И, конечно, не они в этом виноваты.

С детьми – мальчиком пяти лет и девочкой семи лет – мы на удивление быстро нашли общий язык. Спустя месяц их бабушка приехала. Расставаясь с ребятами, подумала, может, стоит поработать с детьми и в дальнейшем, почему бы нет? И я решилась. Еще не определившись окончательно, чем хотела бы заниматься дальше (а в офис мне возвращаться ох как не хотелось), я решила попробовать себя в этой сфере – помогать родителям с детьми, но индивидуально, так как осознавала, что большого количества этих самых детей я, конечно, не выдержу, а вот если один или двое, то справлюсь. В результате одну стрессовую работу я сменила на другую такую же, не менее стрессовую, так как, будучи сама мамой, отдавала себе полный отчет в том, какая это огромная ответственность.

Мысли о том, чем буду заниматься и на что буду жить дальше не покидали меня постоянно, долго находилась на распутье, не понимая, чего хочу в этой жизни, что могу и

как быть дальше. Эксперимент, смена образа деятельности – это неплохо, но это совсем не то направление, которое меня привлекало.

Время шло, а я все продолжала заниматься детьми. Правда, уже более отчетливо начинала понимать, в каком направлении буду двигаться дальше. Постепенно поняла, какая стоит передо мной задача и куда ведет меня моя судьба. На этом, пожалуй, свое предисловие я и закончу, и начну рассказ, полностью основанный на реальных событиях.

Сон моей дочери

Настал момент рассказать об одном из тех случаев, о котором ранее уже упоминала. С него, в общем-то, все и началось – он стал первым знаком, что пора прислушиваться к себе и не бояться делать то, к чему призывает тебя твой разум. Долгое время я опиралась на этот случай, когда пыталась «найти себя», свое предназначение, и часто в мыслях возвращалась к нему, он послужил ориентиром. Потом были другие знаки в моей жизни, которые давали понять, что пора – хватит откладывать, надо начинать реализовывать свою мечту ... начинать писать книгу.

И этот самый случай – сон, необычный сон, который приснился моей дочери. На тот момент ей было шестнадцать лет. Она сходу села и во всех подробностях изложила его на бумаге, так как этого требовало ее внутреннее состояние, потому что, проснувшись, она осознала абсолютное ощущение реальности всего происходившего во сне ... что наводит на мысль, а был ли это сон?

--

Грустно покачиваются ветви деревьев, холодный осенний дождь мерно стучит по крышам припаркованных во дворе машин, по железным подоконникам и окнам. Я в джинсовых шортах и клетчатой рубашке, уже давно промокшей до последней нитки, иду босиком по влажному асфальту,

шлепая по лужам и время от времени убирая с лица пряди мокрых волос. Позади меня ровно и уверенно шагают двое широкоплечих мужчин в черных костюмах. Скупые на эмоции, они лишь изредка, будто пунктиром, говорят что-то вроде «нам туда» или «поверни направо». Я не задаю вопросов, я каждый раз смиренно поворачиваю в указанную сторону, вглядываясь в конец пустынной улицы и гадая, что же меня там ждет. Мне не страшно, всего лишь неизвестно, что же дальше, но при этом — удивительно спокойно.

Мы подходим к одному из подъездов старого пятиэтажного дома, краска на стенах облуплена, окна черны и разбиты. Один из мужчин берет мою руку и засучивает рукав моей рубашки, берет другую и, проделав то же самое, почтиительно открывает тяжелую стальную дверь, приветствующую меня протяжным стоном. Последний раз окинув взглядом своих равнодушных спутников, я смело переступаю порог и замираю от удивления...

--

Я стою с широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом, осматриваю помещение. Изнутри это (даже в самом смелом представлении) не походит на помещение обычного пятиэтажного дома. Огромная зала со светлыми стенами и массивными мраморными колоннами, статно возносящимися к высокому потолку, полна людей совершенно разного возраста и внешности. В стороне, противоположной входу, на возвышении, опершись руками на кафед-

ру и пристально рассматривая всех присутствующих, стоит пожилой человек. В черной рубашке, худощавый и седой, он по непонятной причине внушает удивительную смесь уважения, доверия и страха.

Разбивая царящую тишину и обрывая нити моего напряжения, с грохотом захлопывается стальная дверь. Я вздрагиваю и рефлексивно оборачиваюсь назад. Однако, кроме меня, на это никто не реагирует – все неизменно, с ожиданием, волнением и сладким предвкушением чего-то смотрят на старика. Тот отстраняется от кафедры, по лисьи улыбаясь, скрещивает руки на груди и лишь губами говорит: «Пора»...

Стены здания постепенно начинают трястись, с каждой секундой все сильнее и сильнее, так, что пол уходит из-под ног. Старательно держа равновесие, я в испуге и растерянности оглядываюсь по сторонам – взгляды всех окружающих меня устремлены вверх. Запрокидывая голову, я поднимаю глаза... Потолок, подобно скользящим черным змеям, с грохотом и треском рассекают огромные трещины. Его неровные куски вылетают, будто засасываемые чем-то изнутри, наружу, открывая черное небо, усыпанное невероятно ярко мерцающими звездами.

Вдруг по моим рукам начинает растекаться нестерпимая боль, набухают вены, изменяя цвет и натягивая кожу. Я прижимаю руки к себе, сгибаясь от боли и в очередной раз оборачиваюсь по сторонам – со всеми происходит то же

самое. В это время мелодичный и неестественный, схожий с зачитывающим объявления в самом обычном супермаркете голос спокойно и уверенно произносит, повторяя вновь и вновь: «Расслабьте руки и протяните их к небу, изогнув в запястьях. Ваши вены совпадут с уникальной траекторией полета к вашей звезде. Расслабьте руки и протяните их к небу. Ваши ве...»

Последовав указанию, я протягиваю руки, и в этот же миг невероятно сильным потоком воздуха меня уносит ввысь. На неопикуемой скорости я несусь, все так же вытянув руки вперед, по пронзающей бесконечное пространство космоса траектории, сводимая с ума неопикуемым вихрем проносящихся мимо звезд, туманностей и галактик. Через некоторое время головокружительного полета я остаиваюсь, будто подвешенная в пространстве, окруженная миллионами звезд. В космосе царит удивительная тишина и безупречная гармония. Вдруг меня ослепляет невероятно яркая вспышка и кажется, что я ослепла. Свет повсюду, он нежный и всеобъемлющий и будто пронизывает меня насквозь, обволакивает и поглощает. Мне спокойно и радостно, я улыбаюсь, щуря глаза и прикрывая лицо руками... Резкий хлопок, на мелкие осколки разбивающий все происходящее...

--

И вот я снова в зале с колоннами. На этот раз в нем несравнимо меньшие люди, от силы человек 15–20, один из

них – тот самый пожилой мужчина в черной рубашке, стоявший когда-то у кафедры. Увидев меня, еле держащуюся на ногах из-за головокружения и слабости, он подходит и, подхватив за локоть, улыбнувшись, спрашивает:

– Ну как она тебе?

– Кто?

– Звезда! – по-доброму смеясь, уточняет он.

– Звезда? Там было много света и полет... Полет был удивителен, – уже не так растерянно, но запинаясь и захлебываясь в эмоциях, отвечаю я. Он улыбается и, похлопав меня по плечу, отходит к рядом стоящим ребятам, что-то очень эмоционально обсуждающим.

– А где все остальные? – вопросов у меня много, но этот почему-то я решаю задать первым.

– Они погибли, – спокойно отвечает мне один молодой человек, небрежно обернувшись через плечо. – Не всем удастся найти звезду, ты же знаешь.

– Погибли??? Умерли? Они никогда не вернутся?

– Нет... – с равнодушной ухмылкой, отворачиваясь, отвечает он.

--

Я открыла глаза. Первые мои мысли были, конечно, об удивительном сне. Но вскоре я поняла, что лежу на огромной белой кровати, явно не моей. Затем я осмотрелась – обстановка комнаты казалась мне знакомой, но в то же время неузнаваемой. В дверь тактично постучали, а потом

слегка ее приоткрыли.

— Ну как ты, милая?

В комнату вошла молодая ухоженная девушка в деловом костюме и аккуратно убранными в пучок волосами, за ней — двое пожилых мужчин, приятных и располагающих к себе.

— Кто вы?

Несмотря на приветливость и доброжелательность вошедших, я достаточно сильно испугалась — как они вошли? Зачем? Да, черт возьми, где я? Девушка присела ко мне на кровать и легонько дотронулась до одеяла, я же испуганно прислонилась к изголовью кровати, подобрав к себе ноги и обхватив их руками.

— Не волнуйся, ответь только на один вопрос, — у нее был заботливый и успокаивающий голос. — Ты нашла звезду?

— Какую, к черту, звезду? — возмущенно нахмутив брови, спросила я.

— Звезду... — медленно и вятно, с намеком и предвкушением произнесла она.

В моей голове слайдами пронесся весь сон от начала и до конца: дождь, пятиэтажный дом, слова старика, звезда, полет... — Нет, нет... невозможно!

Прочитав все по моему лицу, она довольно кивнула головой.

— Не переживай, расслабься и ляг нормально.

Оцепеневшая от смеси ужаса и неизвестности, я подчинилась, не спуская удивленных глаз с милого и преисполнен-

ного спокойствия лица девушки. Она провела рукой вдоль моих вен и, обернувшись к мужчинам, стоящим чуть позади и с явным нетерпением, ожидающим ее слов, радостно, чуть ли не смеясь от счастья, произнесла:

– Четыре Шесть Девять Один (4691)! Да, я так и знала! Вы понимаете, 4!6!9!1!

Двое мужчин переглянулись и дружески похлопали друга друга по плечу, а она снова повернулась ко мне и, искренне улыбнувшись, положила руку мне на голову, ласково опустив ее на подушку.

Проснувшись снова, уже в своей кровати и своей квартире под ежеутренний и ненавистный звон будильника, я опустила ноги на холодный пол и под впечатлением, растеряно-опустошенная, побрела ставить чайник. В течение дня я часто прокручивала в своей памяти сон, запомнившийся по обыкновению хорошо и ясно. Про себя улыбаясь своему воображению и невероятному сновидению, я вспоминала старика, галактики и яркий свет.

И вот, сидя в вагоне метро, теребя в руках телефон, я бездумно набрала в поисковике Гугл «4691» и с усмешкой, ни на что, конечно, не рассчитывая, перешла по одной из предложенных поисковиком ссылок, и... у меня перехватило дыхание...

NGC 4691

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

NGC 4691 (другие обозначения — **MCG 0-33-13**, **UGCA 299**, **ZWG 15.23**, **IRAS12456-0303**, **PGC 43238**) — *галактика* в созвездии *Дева*.

Этот объект входит в число перечисленных в оригинальной редакции нового общего каталога.

См. также

[\[править\]](#)

- Список объектов Мессье
- Новый общий каталог

Ссылки

[\[править\]](#)

Последствия сна. И немного об этом

Мурашки бегали по коже, когда слушала, что пережил мой ребенок в этом сновидении, и каждый раз, когда снова и снова перечитывала записи. Наши мысли, чувства и ощущения передать сложно. Да, впрочем, даже и не стоит пытаться. Она «посетила» эту самую «NGC 4691 галактику» в созвездии Девы. Хочется отметить, что «Дева» – это и мой знак зодиака.

После того самого сна дочь стала интересоваться нумерологией. Она «просчитывала» своих друзей, знакомых и всех, кто обращался к ней с такой просьбой. И однажды просчитала меня. Как-то она подошла ко мне и, перебирая в руках бумаги со своими записями, немного озадаченно сказала:

– Мама, на тебя выпали особые цифры!

– И что это значит?

– Ты должна оставить какой-то след после себя в этой жизни. Ты должна сделать что-то важное, что-то донести до людей, у тебя есть какое-то особое предназначение.

– Девочка моя, ты мне льстишь. Самое важное предназначение в моей жизни – это то, что я родила тебя. Просчитай еще раз, думаю, ты ошиблась, вряд ли это имеет какое-либо отношение ко мне, – пробовала я убедить ее.

– Мама, я все правильно просчитала – сказала она, вернувшись из своей комнаты, куда еще раз удалилась на непро-

должительное время, видимо, проверяя расчеты.

В тот момент, когда дочь говорила мне об этом, я стояла на четвереньках и домывала пол в квартире. Мне было смешно слышать такие громкие слова в свой адрес. Но внутри себя, где-то в глубине души, я ощутила, что кто-то будто обиделся на меня за эту насмешку над собой. Будто этот «кто-то» давно выжидал момент, чтобы я уже, наконец, очнулась и задумалась над смыслом своего жития. «Сказали тебе, что у тебя есть какое-то важное предназначение, – вставай с колен, не бойся ничего, будь смелее, может, ты и правда еще что-то можешь в этой жизни и для чего-то еще предназначена. И ведь это «что-то» действительно может оказаться для кого-то важным и нужным» – заговорило мое проснувшееся и возмущенное подсознание, обиженное не-верой в себя.

Так и жила, да и не один год, с мыслями об этом своем предназначении, о котором поведала мне дочь. И, возможно, упустила много времени. Но продолжая общаться с детьми, и все больше понимая их не детские проблемы поняла, что должна делать и каково оно, это мое предназначение.

Стечение обстоятельств – галактика в созвездии Девы в необычном сне дочери, ее увлечение нумерологией и вынесенный мне вердикт относительно того, что я должна сделать что-то важное – ничто не случайно в этом мире. Мой ребенок, видимо, выполнил свою миссию, донес до меня то, что ей было предназначено, и после, заниматься нумерологией она перестала. Возможно, она и ошиблась в расчетах отно-

сительно меня, но теперь это не имеет никакого значения, свое предназначение на ближайшие годы жизни я поняла.

А теперь правда о том, как я начинала

Мне совсем не хотелось вспоминать и писать об этом, а тем более начинать с этого мою книгу. И, по правде говоря, глава «Жизнь подскажет, судьба направит» должна была завершаться чуть менее завуалированно и чуть более правдиво:

«— Видите ли, в этом месте ваш кровеносный сосуд в очень плохом состоянии (последовали разъяснения, что это значит и как это выглядит). В таком виде сосуд может быть только в случае, если по нему прошел тромб, — произнесла лазерный хирург отделения офтальмологии ГКБ им. С. П. Боткина, глядя в прибор, который исследует мое глазное дно и рядом расположенные сосуды.

Потом она отвела взгляд от прибора и, внимательно глядя мне в глаза, продолжила:

— С уверенностью на девяносто процентов могу сказать, что у вас в этом месте прошел тромб, вы знали об этом?

И снова прильнула к прибору, продолжая дальнейший осмотр.

Немного оторопев от услышанного, но уже очнувшись от бешеного потока своих мыслей на тему сказанного, я ответила:

– Нет, я не знала об этом. Но, мне кажется, я помню момент, когда это произошло со мной.

Она снова отвела взгляд от прибора и еще раз посмотрев на меня, добавила:

– Господи, ну откуда у такой красивой молодой девушки такие проблемы?»

А то, о чем я вспомнила, произошло несколькими годами ранее.

Находясь дома вместе с дочерью, в момент общения с ней я вдруг стала забывать слова, которые хочу произнести. Даже сказала ей с усмешкой, мол, мама твоя совсем стареет, слов вспомнить не может. Потом мне стало не смешно, в глазах все поплыло, и я вдруг осознала, что речь начинает пропадать. Я уже даже не понимала, что, может, нужно попросить дочь вызвать скорую помощь, я не понимала, что со мной происходит. Мозг уже не соображал, да и речи уже и вовсе не было. Но мне каким-то чудом хватило ума и сил померять давление, хотя на тот момент этой проблемой особо не страдала. Давление для меня, гипотоника, было повышенным, но не так, чтобы паниковать. Все же я приняла банальную таблетку и почти молча пролежала половину дня, после чего с трудом встала и вяло пошла.

Мое сознание, мое самочувствие и мой образ жизни после этого сильно изменились. Физически я была уже не та. Что со мной произошло, я никак не могла понять, и почему-то

не связывала эти изменения со случившимся тогда, дома. Не раз еще потом задавалась вопросом, что же со мной, но ответа не находила, и это угнетало еще сильнее.

Я не могла больше работать как было прежде, в крупных компаниях с большими объемами работы и с высокой степенью ответственности. Я не понимала, почему перестала справляться с тем, что всегда было под силу, и почему теперь все не так, как было обычно. И никогда не пыталась связать случившееся со мной тогда с изменением моего физического состояния и самочувствия, до тех пор, пока не услышала эти самые слова лазерного хирурга. Только после этого, протянув всю цепочку событий, смогла понять их взаимосвязь. И я также поняла, что мне был дан еще один шанс жить! Это уже второй. Значит, я пока здесь нужна.

Занимаясь еще какое-то время поисками более подходящей для меня работы, я даже встала на биржу труда (по рекомендации бывших коллег), думала, что может там какая ни будь новая мысль в голову мне да залетит. Но я продолжала непрерывно терзаться и мучиться мыслями, что все не то и все не так. Я никак не могла совместить то, что я хочу, с тем, что я могу.

Так почему же все-таки я остановила свой выбор на детях, на чужих детях? Ведь это очень нелегкий и ответственный труд! Но, ряд причин и обстоятельств привели меня к тому, что я сделала именно этот выбор и приняла именно такое решение – заниматься детьми. Этот вариант для меня был

и более удобным на тот момент, как мне казалось. Но уже несколько месяцев спустя, пообщавшись с детками, я сильно пожалела о своем выборе, однако начало было положено, да и, в конце концов, жить-то надо было на что-то.

Я поняла, чем должна заниматься в этой жизни и какую пользу могу нести

Какой-то отрезок своей жизни, а какой – покажет время, я решила посвятить детям, помогая их родителям, когда им особенно нужны и помощь, и поддержка. Потом пришло решение написать книгу, чтобы показать со стороны, как мы любим и как воспитываем наших детей. Ведь все мы делаем это по-разному, и каждый по-своему.

Наше общество постоянно меняется, в чем-то от худшего к лучшему, а в чем-то, наоборот, – от лучшего к худшему. Словом, всегда есть что совершенствовать и что менять. Большой вклад в обучение и образование вносят средства массовой информации. У нас есть множество самых разных школ и колледжей, различных обучающих курсов, секций, детских клубов. Воспитатели, педагоги, психологи, различные проводимые мероприятия культурные и общеобразовательные – всё нацелено на то, чтобы сделать нас и наших детей лучше и умнее.

Этого же хочу и я, чтобы дети наши росли здоровыми, счастливыми, образованными и воспитанными. А еще очень хочу, чтобы в семьях, в которых им суждено родиться, их любили, понимали, уважали и ни в коем случае не обижали.

И я выбрала свой путь, пусть он не такой масштабный, но я верю, что он тоже принесет пользу, что он посеет добро и обязательно будет кому-то нужен.

В семье, которую посещала неполные три года, родители периодически водили своих двух сыновей, к психологу. Про младшего четырехлетнего, психолог сказал, что мальчик умный и никаких особых проблем у него не видит.

Максимка действительно умный мальчик, но это не мешает ему биться в истериках так, что шокирует любого, уже видавшего разные виды поведения детей: кидается и бьется об пол, головой о стены, иногда ходит кругами, погружаясь глубоко в себя до тех пор, пока его не остановишь. Если вдруг он чем-то недоволен, то становится очень агрессивным, бьет себя и всех, кто рядом. А недоволен он часто, и это всегда буря эмоций, сопровождающихся швырянием на пол всего, что попадется под руку, будь то телефон, планшет, пульт или, в лучшем случае, какая-нибудь игрушка.

Проблемы у ребенка есть, и немалые. И уже в первый месяц посещения этой семьи было понятно, откуда они берутся и что является их источником. Я не психолог, но проблему вижу изнутри, потому что нахожусь всегда рядом и это дает мне преимущество видеть то, чего не видят другие. И одновременно я человек со стороны, посторонний, не из ближайшего окружения семьи или родственников, что позволяет оценить ситуацию не замыленным взглядом. Ни в ко-

ем случае я не пытаюсь подрывать репутацию психологов, среди них действительно много высококвалифицированных специалистов. Без их помощи порой, бывает очень тяжело справиться со своими накопившимися проблемами. Психолог извлекает из человека изначально невидимую ему проблему и работает над ней. Я же иду другим путем: я выполняю роль близкого друга, совет, помощь и поддержка которого бывают так вовремя и порой так спасительны для ребенка. Каждый из нас пытается помочь по-своему.

У старшего сына в этой семье, у Саши (ему одиннадцать лет), проблемы тоже есть, но немного другого характера. Однако источник происхождения этих проблем у детей общий. У Саши – страх перед мамой. Но к психологу неоднократно продолжали возить почему-то именно Сашу, а не маму. Мама ездить с сыном не хотела, на сеансы всегда отправляла его с мужем. Если психологическая проблема у ребенка возникла на фоне взаимоотношений с мамой, значит, и мама должна была быть тоже как-то задействована в процессе. Но мама не считала нужным посещать психолога.

Проблема младшего, Максимки, была немного иной. Она выражалась в противостоянии маме, которое, зародившись (а породила его сама мама), и явилось причиной дальнейших постоянных конфликтов между ними. Как в результате выяснилось, все психологические проблемы детей шли от мамы. Мама при этом считала, что делает все правильно. У нее даже сомнений не возникало, что она может делать что-то

не так, однако чуть ли не каждый день принимала успокоительное и часами лежала изможденная и обессиленная из-за постоянных конфликтов с детьми, особенно из-за младшего.

Мы не видим себя со стороны. Но дети видят и полностью копируют нас. Дети – это наше зеркало. Если мы начинаем замечать, что поведение ребенка становится все хуже и общаться с ним, находить общий язык становится все сложнее, то вполне возможно и даже скорее всего – это его реакция на такое же наше общение с ним. Если вы вспыливаете как спичка из-за каждой ерунды по поводу и без повода, если ваше настроение меняется каждые пять минут, тогда пусть вас не удивляет неадекватное поведение вашего ребенка. Он пытается под вас подстроиться, а в результате сам становится таким же, ведь почти каждый день он видит одну и ту же картину вашего отношения к нему, и к окружающим в том числе, что отражается и на его эмоциональном фоне. Но родители при этом никак не могут понять, что происходит с их ребенком, почему его поведение не соответствует их ожиданиям. Одни дети, в силу своего характера, отвечают нам тем же, другие замыкаются.

И, конечно, я и видела, и понимала причины такого неадекватного (а более подходящего слова и не подобрать) поведения младшего, Максимки, потому что каждый день была невольным свидетелем происходящего. Тогда и попросила родителей Максимки уделить мне немного времени и позволить высказать свою точку зрения на сложившуюся у

них конфликтную ситуацию, после чего вежливо донесла до них, что причина такого поведения Максимки кроется в них самих, что их неправильно выстроенное общение в отношениях со своим ребенком и есть причина постоянных семейных нервотрепок. Мне приходилось быть корректной: не каждый родитель захочет услышать мнение о себе и о своих действиях в отношении детей от постороннего человека. Разговор быть десятиминутным, я не могла позволить себе отнимать время у людей, излагая свои взгляды на их взаимоотношения с детьми в семье. Но, на некоторое время я все же была услышана и даже наблюдала, как мама предпринимала попытки изменить свою манеру общения с Максимкой. К сожалению, нервная система ее быстро сдала, поэтому все мои попытки сделать мир в семье лучше быстро закончились, не успев еще толком и начаться.

О том, как прошел наш сегодняшний день с Максимкой, с младшеньким, 07.07.2017

Сегодня опять не смогу долго уснуть, душа болит за Максимку. Буду прокручивать в голове весь прошедший день, потому что сегодня Максимка спросил у меня:

– Как мне дальше жить? Я не хочу, чтобы мама ругала меня все время.

Не по-детски устало и потерянно он смотрел на меня, на лице его была безысходность. У меня сдавило в горле. Я учащенно хлопала глазами, только чтобы навернувшиеся слезы там и рассеялись, чтобы ни одна слеза предательски не потекла по моей щеке. На бледном его личике отражалась вся боль переживаний. И это говорит мне пятилетний ребенок! Он так уже устал от своих накопившихся, неразрешенных проблем, что стал задумываться о том, а как же ему жить дальше.

Наша прогулка завершалась и мы направлялись к подъезду, когда он вдруг, сказал мне:

– Пожалуйста, давайте поговорим.

Семью Максимки посещаю уже больше года, и я, как никто, понимала его душевную боль. Я присела на скамейку

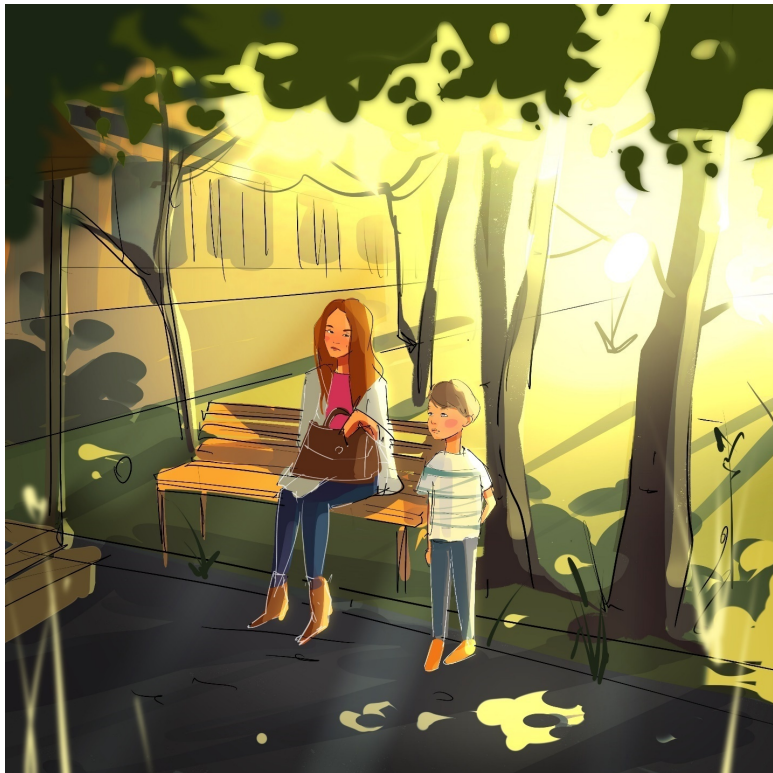
у подъезда, а он стоял рядом и задумчиво смотрел куда-то вдаль. Мы разговаривали, рассуждали о жизни, я рассказывала ему разные истории, приводила какие-то примеры и объясняла, что из любой ситуации есть выход, и что вовсе не все так страшно, что любая проблема решается. Рассказывала смешные и нелепые, а также и грустные истории из своего детства, которые и меня когда-то заводили в тупик, и я тоже тогда не знала, как поступить. Своими рассказами хотелось вывести его из этого ужасного состояния не по-детски взрослой безысходности, направить все его мысли на позитивное, что могло бы помочь вернуть его детскую беззаботность и душевную гармонию.

Говорила и о маме, объясняла, что нужно попытаться понять и ее, ведь она женщина, она слабая, а значит, кричит и злится на него не потому, что не любит, а потому, что он, маленький, но сильный мужчина не старается ей помочь, не слышит, когда она о чем-то просит. Может, надо быть чуточку внимательнее к маме. Ну попросила она о чем-то – сделай ей приятное, уступи, не заставляй маму, к примеру, двадцать раз приглашать тебя к обеду. Это как водители на дороге – спешат куда-то, нервничают, один другому не уступил, тот давай сигналить, злиться. А потом и этот водитель начинает срывать свое зло на других – обгоняет, подрезает, мол, мне не уступили, и я никому не уступаю. А бывает наоборот: ты едешь на автомобиле, пытаешься в тесном потоке перестроиться в другой ряд, и тебе уступают. И если меня вдруг кто-

то начинает обгонять, мигает поворотником и просит пропустить – надо уступить, а как же иначе?

А бывает, что мне не уступают, а я уступаю, потому что знаю: совершишь пустячный добрый поступок – и, скорее всего, этот человек потом поступит так же по отношению к другим. Может, и не самый удачный пример, но для Максимки, мальчишки, он был понятен. Добро всегда сеет добро. Если мама попросила помочь – помоги ей, ее настроение только улучшится, если у мамы хорошее настроение, то чего еще лучшего желать – и скандалов будет меньше, и ссор.

Наш разговор с Максимкой был на равных, мы говорили по-взрослому, потому что и тот вопрос, который он мне задал, был вопросом взрослого человека. После нашего душевного общения я увидела облегчение на его лице и поняла, пусть на первое время, но наверняка какие-то ответы на его вопросы нашлись. А дальше будем действовать по ситуации.

Наутро, после той бессонной ночи, проведенной в переживаниях за Максимку, как только я переступила порог их дома, мама Максимки сразу же предупредила меня, что он наказан, и рассказала о том, как отвратительно он вел себя на утренней прогулке. И что, не выдержав такого поведения, она отругала его, отшлепала и запретила до конца недели иг-

ры в планшете и просмотр мультфильмов. А вся проблема, как выяснилось, заключалась в том, что по окончании утренней прогулки Максимка не захотел идти домой, он просил погулять еще, что, в общем-то, ни для кого не ново. Мама несколько раз повторяла, что пора уже идти, но он настаивал на продолжении прогулки и категорически отказывался слушаться. После чего терпение ее закончилось, она не выдержала, сорвалась и перешла на крик. Она ругалась, кричала на Максимку, Максимка тоже кричал на весь двор, и в результате затянувшейся перебранки между ними у него началась истерика. Со слов мамы, сцена была шокирующей. Это и стало причиной наказания, причиной, по которой его отлупили, отругали и лишили развлечений.

С Максимкой мы выходим на прогулку каждый день, и он также не всегда идет домой по первому моему зову. Но мы как-то решаем этот вопрос. Бывает, конечно, и покричит немного, да и самокат иной раз швырнет со всей злостью с лестницы, но, видя мое спокойное и непоколебимое «надо», все же плетется за мной. Хотя нервов, надо сказать, мне тоже все это стоит немалых. Когда ребенок не твой, все усложняется многократно. Но кричать в ответ на его крики и капризы абсолютно бессмысленно: только ситуацию накалять.

Не надо обращаться со своим ребенком как с подчиненным – вы не на службе в армии, где приказы и распоряжения отдаются командным тоном и выполняться должны по первому требованию. Да, ребенок не всегда сразу приступа-

ет к обеду или к ужину, когда вы его зовете. Да, иногда приходится по несколько раз повторять, но это не повод для того, чтобы устраивать ответную истерику своему ребенку. И тем более не повод тем самым изо дня в день разрушать его психику, да и свою тоже. Начинайте звать ребенка с прогулки к обеду на десять-пятнадцать-двадцать минут раньше, если для вас так важно точно в положенное время вернуться домой. Обсудите с ним эту тему, приведите примеры, как школьники строго по времени ходят на обед, как папа и его коллеги в офисе стараются соблюдать время обеда. Если у вас сын, расскажите ему, как военнослужащие в армии обедают строго по расписанию, обязательно объясните, почему они так делают, причину, с чем связано такое строгое соблюдение правил распорядка дня. Преподнесите информацию так, чтобы ребенку было интересно, разговаривайте с ним как с другом, как с напарником, не надо раздавать приказы и распоряжения. Оденьте часики ему на ручку, покажите, когда стрелки окажутся на таких-то цифрах, то в садике, в школе, в офисе или на подводной лодке все идут, к примеру, на обед (вы наверняка сами знаете, какой пример интереснее будет услышать вашему ребенку). Обыграйте ситуацию, и возможно, так будет легче привить ребенку соблюдение определенных жизненных норм и правил.

Научитесь дружить со своим ребенком. Неужели вы не помните себя в детстве, забыли свои ощущения и переживания, свое видение поступков родителей, забыли ситуации

при которых они вас не понимали? Не забывайте хотя бы иногда ставить себя на место своего ребенка и никогда не поступайте с ним так, как вы не хотели бы, чтобы поступали с вами.

Такое нервное и неуравновешенное поведение Максимки – результат накопившихся психологических проблем его мамы, которые, как в зеркале, отражаются на ребенке и тяжелым грузом ложатся на его плечи.

В очередной раз решила выйти на разговор с мамой Максимки. Внутри меня уже много накопилось, не меньше, чем у Максимки, и все закипало. Все мои труды, вложенные в ребенка, шли насмарку, и это только потому, что мама никак не хотела понимать, что своей несдержанностью в общении сама и заводит ребенка с пол-оборота, что из раза в раз приводит к очередному скандалу между ними, а в результате – и к затяжной истерике ребенка, которая в первую очередь доводит до изнеможения его самого, а потом уже и всех присутствующих, учитывая характер ее протекания.

С трудом затушив пожар бушующих эмоций, постаралась изложить ей свои мысли, что, на мой взгляд, не совсем правильно в ее отношениях с ребенком. И я решила, что имею на это право, потому что с моим приходом в их семью и поведение ребенка, и его психологическое состояние стали на много более уравновешенными. И сама мама Максимки, конечно же, видела, как Максимка менялся в лучшую сторону, как постепенно сходили на убыль его психозы и истерики.

Однако все мои труды и старания терпели фиаско, и причиной тому – ее взрывной характер, ее нетерпимость, ее неумение наладить диалог со своим ребенком. И мне это было до боли обидно.

Есть родители, которые открыто просят не вмешиваться в процесс воспитания их ребенка. Но, если няня не болеет душой за вашего ребенка и не обсуждает с вами вопросы, касающиеся его воспитания и поведения, значит, грубо выражаясь, ей «на все наплевать». А на этом, простите, «наплевать», получается, частично настояли вы. Сказали не вмешиваться – она и не вмешивается. Тогда не стоит ожидать от своей помощницы и добросовестного отношения к своему делу, так как безразличие и ответственность – это две совершенно несовместимые вещи.

Душа моя болела за Максимку, а также и за все, что с ним происходило. Я попыталась донести до его мамы, что нельзя требовать от ребенка, чтобы он изменился и стал лучше, так не бывает! Если вы хотите, чтобы ваш ребенок изменился в лучшую сторону, сначала должны измениться вы сами. Пока вы сами не измените свое поведение и не поменяете свое отношение к ребенку, не ждите никаких изменений! Зачастую родители не хотят понимать этого, их позиция железная: «Я делаю все правильно, и мой правильный подход к воспитанию рано или поздно даст свои результаты».

Ну не должен ребенок в возрасте пяти лет при правильном воспитании с безысходностью на лице задаваться вопро-

сом, а как же ему жить дальше. Наблюдая такое «правильное воспитание», даже я порой еле сдерживалась, чтобы промолчать, все же я человек посторонний и пришла в семью не для того, чтобы жизни учить. Но ребенок сдерживаться не может и не будет, его психоэмоциональный фон не выдерживает такой нервной нагрузки изо дня в день, вот он и выдает, выплескивает все, что у него накопилось. А выдает такими истериками, от которых волосы «дыбом встают» – зрелище не для слабонервных. Но родители по-прежнему продолжают считать, что они все делают правильно.

Время шло. Когда я приходила к Максимке, он вел себя уже не так плохо, как это было в первые месяцы нашего знакомства. И пусть не так часто, как хотелось бы, но, учитывая ситуацию с его поведением в целом, на тот момент «неплохо» уже можно было расценивать как «очень даже хорошо». Когда вечерами возвращались родители, на их вопрос, как прошел день и как вел себя Максимка, все чаще отвечала – хорошо. Переглядываясь друг с другом и удивляясь, как такое вообще возможно, они при этом говорили мне:

– Ну, вам везет, мы уже забыли, как выглядит это «хорошо».

На что мне хотелось сказать в ответ: «Может, просто следует изменить свое отношение к ребенку, тогда и вам тоже обязательно повезет».

Напишу об одном наблюдении, которое людям моего и бо-

лее старшего поколения, наверняка не раз тоже доводилось наблюдать. Подобную картину чаще можно было увидеть лет пятнадцать и более назад. А речь вот о чем.

Наши мамы, будучи на отдыхе за границей разительно отличались от других своим поведением по отношению к своим детям. Как правило, только наши мамы кричат на своих детей в аэропорту, в магазине и на пляже. Вытаскивая из моря кричащего и сопротивляющегося ребенка, наша мама обязательно должна перекричать его на весь пляж. Только наши мамы голосят на весь пляж, обращаясь к ребенку с требованием, чтобы он немедленно подошел к ней и взял панамку.

Подобные сцены нередко можно было наблюдать на пляжах зарубежья, особенно в Турции, куда мы в большинстве своем в столь недавние времена часто выезжали на отдых с маленькими детьми. Наверняка многие из вас являлись свидетелями подобных сцен и не только на пляжах зарубежья. В аэропорту приходилось наблюдать, и не раз, как мамочка какого-нибудь ребенка, увлеченная беседой с попутчиками, вдруг спохватывается, не обнаружив свое дитя рядом и, наконец, найдя его взглядом уже совсем не поблизости, начинает кричать на весь аэропорт:

– А ну, иди сейчас же сюда! Я кому сказала? Быстро, я сказала!

И когда он подойдет, отругает его при всей толпе, да еще и за руку дернет и по попе шлепнет. Ну а ребенок-то здесь

при чем, если мама сама ведет себя безответственно по отношению к нему и к его безопасности. Но ведь надо же как-то показать свою значимость. А как? Только так – шлепнуть, накричать, обозвать. Есть у нас такие властные мамы, которые любят отдавать распоряжения командным тоном, требуя от своих детей немедленного подчинения, да и чтобы все вокруг знали, кто здесь главный. Порой стыдно, бывало, за наше такое нараспашку бескультурье.

Нынешнее поколение мам ведет себя более грамотно и более лояльно по отношению к детям. Мамы стали современнее – больше возможностей, больше информации в сетях, телепередач для мамочек про малышей, больше книг с различными методиками по обучению и воспитанию; современная инфраструктура (больше комфорта, больше доступного) – все эти изменения определенным образом отразились и на культуре поведения. Но, конечно, и у современных мамочек проблем в отношениях с детьми с лихвой хватает. Сказать, что со временем эти проблемы стали другие? Нет, наверное. Просто они тоже стали немного современнее.

Об агентствах, которые набирают нянечек. О том, кто и почему работает нянями. И о том, почему мне ничего не предлагали

Долгие годы нянечками в Москве работали приезжие женщины из дружественных нам республик, как раньше их называли. Сейчас ситуация в корне изменилась. Безработица в Москве, о которой никто нигде не говорит, оказалась намного масштабнее, чем можно было предположить. В течение года стояла на бирже труда. Посещая это заведение, из общения с людьми выяснилось, что нянями пошли работать медицинские работники, педагоги, офисные сотрудники, которые, в возрасте от сорока и до пятидесяти пяти лет, в большинстве своем практически и не рассматриваются на новых вакантных местах, так как и эти места отныне занимает более дешевая рабочая сила, согласная на любые условия, либо молодые и более перспективные, которым надо дать дорогу, и которые ради открытия стажа тоже закрывают глаза на многое. Вот такая нарисовалась не очень радостная картина.

В поисках работы я обзвонила большое количество компаний, и везде был один и тот же ответ: на вакантное место рассматриваются кандидаты в возрасте до сорока лет. Кто

эти странные люди, которые не понимают, что именно к сорока годам человек, наконец, имеет возможность полностью распоряжаться своим временем: у него уже взрослые дети, беременеть и уходить в декрет необходимости нет, не надо отпрашиваться у руководителя, чтобы забрать ребенка из детского садика или чтобы побыть с ним во время болезни. Не надо отпрашиваться с работы к ребенку в школу на родительские собрания и прочие школьные мероприятия, заискивающе заглядывая при этом в глаза начальнику, пытаюсь найти в них понимание. Ты наконец можешь посвящать себя работе, осваивать новые программы, проекты, а также, с неподдельным интересом участвовать и в жизни коллектива. А когда дети у тебя еще маленькие, то только и смотришь на часы в ожидании, когда же закончится рабочий день, потому что они полуголодные и без присмотра ждут тебя дома. А с утра, измученная семейными бытовыми проблемами еще с вечера, с мыслями только о том, как их сегодня все разрешить и разрулить, опять плетешься на работу.

В общем, что тут сказать? Пробриться сквозь стену некоторых бездарных представителей так называемого «офисного планктона», которые отвечают всем, достигшим сорока и более лет, что путь на собеседования им закрыт, практически невозможно.

Чтобы выполнять обязанности няни, для этого не нужно иметь никакого высшего образования, как того требуют многие семьи и агентства по набору персонала. Няней мо-

жет быть также и женщина, которая имеет среднее образование. Каждая женщина, вырастившая своих детей, понимающая всю ответственность, которую она берет на себя за жизнь и воспитание чужого ребенка, может быть няней. Стоит ли ставить в приоритет такое требование, как наличие у няни какого-либо образования: педагогического, образования психолога, логопеда или какие другие дипломы? Эти бумажки нужно требовать от преподавателя, психолога, логопеда и так далее, но не от няни. Но почему то, когда в семью приходит репетитор к ребенку, его не просят предоставить свой диплом об образовании, справки из наркологического и психиатрического диспансеров, а также справки о состоянии здоровья, а вот няню просят.

Непродолжительное время посещала семью в которой трое детей. В помощь пришла с малышом восьми месяцев, а две девочки школьницы были уже вполне самостоятельными. Мама этих детей по образованию педагог музыки. Первоочередной ее просьбой ко мне, была просьба – уберечь ребенка от опасных падений. Был период в ее жизни, когда она сама подрабатывала нянечкой и она прекрасно понимала, что, в действительности важно для ребенка, для сохранения его здоровья. Ведь как часто нянечки, да и сами мамочки в хлопотах по дому, да и по другим причинам, упускают моменты, когда малыши падают, успев за доли секунды взобраться на какой ни будь комод, а также выпадают из ко-

лясок, и все это по нашему недосмотру; а любое падение и удар головой не всегда безобидны. Глазом, порой, моргнуть не успеваешь, а ребенок уже «нырнул» куда-то. Но одно дело, когда такое случилось у мамы и она помчалась в больницу проверить нет ли сотрясения и переломов у ребенка, а другое дело, если такое произошло, когда ребенок с няней. И если она скроет от вас, побоится сказать, то как это отразится на здоровье ребенка в дальнейшем, одному Богу известно. А с детьми такое случается часто, вот и представьте, сколько раз вы можете об этом не знать.

Няня, в первую очередь несет ответственность за безопасность малыша! Она следует пожеланиям родителей, связанным с расписанием дня ребенка, его гигиеной. Она занимается начальным его развитием и образованием: знакомит с основными понятиями о том, что хорошо и что плохо, что можно и нельзя, прививает маленькому человечку элементарные нормы поведения, а также – поиграть, почитать, погулять, помыть, накормить и спать уложить. Ну и, конечно же, няня дарит свое тепло и заботу. Каждая женщина нянчится со своим ребенком, растит его, и для этого ей не требуется документ о высшем образовании. Только вот одним дано делать это хорошо, а другим, по определенным причинам, – нет. Практика, порядочность, чистоплотность и доброта – вот основные требования к няне. Няня, по сути, и есть ангел хранитель вашего малыша.

Такие, как я, не получившие ни среднего специального, ни высшего образования – отголоски прошлого. Мы не имеем специальности, но это совершенно не значит, что мы не образованны, хотя и таких хватает, как, впрочем, и среди образованных. Пока другие обучались в институтах, мы тоже не теряли времени зря, за те же пять лет жизнь научила нас многому.

С восемнадцати лет я начала работать, моя трудовая книжка заполнена наименованиями организаций, получить место в которых желали бы многие. После каждого первичного собеседования уже на следующий день звонили и предлагали приступить к работе. Так было всегда. Неоднократно помогали с трудоустройством друзья и знакомые, они были уверены во мне и знали, что я трудолюбива, добросовестна и ответственна. Бывало, что нужен свой человек, а не с «улицы». Говорили: «Покажем, научим, не проблема!» И если, к примеру, я не разбиралась в том, как оформить заказ на автоматическое оборудование для производства – меня обучали, показывали, рассказывали, а дальше сама, набираюсь знаний и опыта: программа освоена, таблица составлена, каталог под рукой, технический директор на связи, куратор в центральном офисе всегда готов помочь – и нет ничего невозможного.

Но вот когда к своим сорока шести годам я решила подать анкеты в несколько агентств по набору нянечек и гувернанток, чтобы попасть на собеседование, меня даже не

рассматривали серьезно, и никто мне потом не перезванивал, и никто никуда не приглашал. И причин тому было две. Первая – это отсутствие высшего образования. И вторая, как мне потом подсказали, да и сама уже поняла из контекста на одном-единственном собеседовании, на которое мне удалось прорваться, – это моя внешность, совершенно не соответствующая образу няни и у большинства вызывающая сомнение в том, что я действительно хочу работать с детьми, а не отбивать чужих мужей. Но и доказывать никому ничего я не собиралась. А вот купить диплом о высшем образовании я могла без всяких проблем, как во времена перестройки, так и еще много лет спустя, что, наверное, помогло бы мне решить некоторые вопросы значительно быстрее, но не вписывалось это в мое мировоззрение.

Да и не совсем понятно, зачем было требовать диплом о высшем образовании, если ни одно из этих агентств по набору данного персонала не проверяет дипломы на подлинность.

В няни на протяжении многих лет и шли представители поколения перестройки, так уж случилось на тот период что, произошел сбой всей государственной системы, и высшее образование вдруг перестало быть столь актуальным, как было прежде. Тогда надо было хоть как-то суметь заработать себе на жизнь или прокормить семью, если таковая уже имела. Выгоднее было открывать кооперативы по пошиву «вареной джинсы» и зарабатывать на этом немалые деньги, ну

или что-то закупать, чтобы перепродать.

Многие мои знакомые, получившие хорошее образование в лучших вузах СССР, в результате перестройки остались без работы, специальности, на которые они обучались, просто стали никому не нужны, все рухнуло. И, когда настал момент, и наша страна стала выкарабкиваться из состояния хаоса и людям нужно было устраиваться официально куда-то работать, многие из них – и с образованием, и без него – просто-напросто купили себе дипломы по тем специальностям, которые им были нужны. Потом уже, спустя время, пошла многолетняя волна проверок такого рода «специалистов» с их дипломами, так как участились несчастные случаи в разных сферах деятельности. И среди врачей были все не врачи, и среди инженеров – совсем не инженеры. Таких «специалистов» по многим направлениям было выявлено предостаточно.

Нередко приходилось сталкиваться с тем, что, получившие диплом о высшем образовании, в действительности же имеют только «корочку», а само образование – нет, либо имеют, но очень формально. Диплом с названием специальности получили, а вот образование – нет. Высшее образование – это же не только получение определенной специальности. Получив образование, человек становится более интеллектуально развитым, он совершенствуется, из одного уровня развития переходит в другой, на ступень или выше. Но, как показывает жизненная практика, не каждому дано со-

вершенствоваться и развиваться, посещая в течение четырех или даже шести лет высшее учебное заведение. В итоге корочку с названием специальности человек получил, а интеллект, воспитание и поведение остаются на прежнем уровне, что, к сожалению, очень часто негативно отражается на уровне профессионализма в любой специальности.

Наверное, за интеллект, воспитание и поведение должны отвечать какие-то другие институты. И если вдуматься, то, скорее всего, все эти качества в человеке должна закладывать семья.

Не раз приходилось встречаться с такими вот «образованными» на своем жизненном пути. Будучи помощником генерального директора одного крупного московского холдинга, тестировала персонал при приеме на работу для подконтрольного мне административного отдела, за работу которого несла ответственность: секретари, офис-менеджеры, уборщицы, водители, завхозы. Отдел кадров подбирал сотрудников для моего отдела, и после первичного собеседования потом направлял ко мне, уже для более целенаправленной беседы по насущным административным вопросам. Все приглашённые кандидаты имели дипломы о высшем образовании. Одна из претенденток на вакансию офис-менеджера, написала с тремя ошибками тестовый текст, который всего-то на полстраницы (это было объявление для сотрудников). Другая девушка, при искусственно созданной конфликтной ситуации, с целью определить, как человек реа-

гирует и ведет себя, оказавшись в подобном положении, не выдержав и десяти минут под напором каверзных вопросов на чуть повышенных тонах, демонстративно встала и, швырнув, хорошо, что не в сторону собеседовавших, стул, на котором сидела, направилась к выходу. Подобные методы в тестировании только начинали применять на практике и большинство тестируемых были ещё далеки от таких новшеств, поэтому многих, конечно, шокировал такой поворот в общении при собеседовании. Это теперь, все знают и всё понимают. Был еще кандидат с высшим образованием на вакансию завхоза – взяли его на эту должность, а после двух месяцев работы в результате оказалось, что больше руками машет, чем дело делает.

Вполне возможно, что все они действительно могут быть отличными специалистами, но в другой области, в каком-то другом направлении. Может, они пришли на эти вакантные места не потому, что им так нравятся эти должности, может, просто из-за необходимости в этот период их жизни зарабатывать денег, неважно, где и неважно кем. И вероятно, пол населения страны так и работает. Да и ведь на самом-то деле, людям, думающим и работающим над чем-то очень важным и глобальным, например, для тех, кто двигает вперед технический прогресс, совсем необязательно грамотно писать, за них напишут: одни выдвигают идеи, а другие грамотно их излагают. Правда, по записям в трудовых книжках этих претендентов понятно было, что за них точно никто не напишет,

сами должны уметь.

Примеры привела банальные, углубляться в эту тему не хочется, но был случай, который меня шокировал, и, казалось, это была дурь масштабного характера. Суть в том, что сотрудники компании, в которой работала, должны были ознакомиться с документом, подписать его и сдать (не то договор, не то должностная инструкция, не припомню, много лет прошло). Дошла очередь и до меня. Приступив к чтению сразу же, начинаю понимать, что составители документа напутали что-то, недоработали документ: «Административный директор в лице генерального директора *ООО «Рога и копыта» Иванов Иван Иванович*, с одной стороны...» Прочитав, задумалась: неужели так сказывается отсутствие у меня высшего образования, что даже понять не могу, что может означать такое столь загадочное переплетение должностей. Решила не торопиться с выводами, а еще несколько раз перечитать и немного подумать, а то подойду с вопросом к административному директору, который совместно с кадровиком и с юристом составлял его, а меня за профнепригодность и необразованность еще в первые ряды на увольнение внесут. Надо посидеть еще подумать. Но так ничего и не надумала. А на почту мне уже пишут, спрашивают, подписала я документ или нет. Подошла к кадровику, спросила, не ошиблись ли они в написании, на что мне ответили: «Как надо, так и написано, быстрее подписывайте и сдавайте». Все нервничали перед какой-то очередной проверкой. Тогда я пошла к

административному директору, она в это время обсуждала с менеджером по персоналу вопросы по организации командировок. Несколько раз я зачитывала вслух и водила пальцем по документу, под неправильно сформулированной на мой взгляд, фразой, пытаясь донести до нее, что, скорее всего, эта фраза написана некорректно и что я не могу подписать такой документ. И надо сказать, что я не просто так зацепилась за эту ошибку, весь текст документа был не в пользу сотрудников, ставивших свои подписи под ним. Директор несколько раз все перечитала, но так и не поняла, чего же я от нее хочу. Я чувствовала себя полной идиоткой и уже почти поверила в то, что со мной что-то не так, как вдруг менеджер по персоналу, которая поначалу корректно не вмешивалась в наш разговор, не выдержала накала страстей и тоже решила поучаствовать в разрешении данного вопроса. Заглянув в документ и внимательно перечитав несколько раз вслух поставленную мной под сомнение фразу, она вдруг говорит: «Ну да, наверное, действительно неправильно написано, непонятно как-то».

У меня на душе отлегло, значит со мной еще не все так плохо. Но административный директор так и не поняла, что же там написано не так, или не хотела вникать, хотя и вникать-то особо не нужно было, с первого взгляда все понятно, и отправила меня к кадровику, не зная того, что от кадровика я к ней и пришла. Тогда я решила найти правду у юристов, посоветоваться с ними. Юрист сказала мне, что такая

формулировка допустима.

Либо все сотрудники были переполнены страхом увольнения, потому что фирма терпела большие убытки, либо были какие-то еще причины такого всеобщего помутнения, но я поняла одно — что мне здесь не работать. Жалею только, что вовремя не изложила собственнику компании все вопросы, которые меня беспокоили относительно поверхностного исполнения его поручений советом директоров, что было в моих обязанностях и под моим контролем. У меня были полномочия общаться с ним, каждую неделю он проводил собрания в нашем филиале, на которых я вела протокол, и который потом отправляла ему на почту. Да и относился он ко мне благосклонно, не раз спрашивал, как мне у них работается и как идут дела. Помешала моя неуверенность в себе. И видела, и понимала, и чувствовала, что развалият его компанию, но также понимала, что многого не знаю и не мне судить. Каждый день на протяжении многих месяцев шла реклама этой его компании на экранах телевизоров. Одно подразделение работало и было, как говорится, на плаву, а второе, о сотрудниках которого упомянула выше и с которыми мне поневоле пришлось работать, несло убытки и шло ко дну. Процентом шестьдесят сотрудников в результате из штата компании уволили, закрыли много региональных офисов. Какими методами подталкивали людей к увольнению, упоминать, а это как будто перепачкаться во всей той грязи заново, не хочется. Значительная часть сотрудников

компании были не москвичи и не русские, это были те самые люди, которые, где появятся, там сразу зарождаются предательство, измена и разруха. Дальнейшее желание работать в офисах отбили на всю оставшуюся жизнь, да и выжата была уже и физически, и психологически. Это последнее мое место работы и последняя запись, сделанная в моей трудовой книжке – двадцать лет стажа.

Если случилось так, что человек, которого вы пригласили в помощь с ребенком, вдруг что-то у вас украл или оказался человеком нечистоплотным и неряшливым, и, если хуже того, вы заметили, что он стал поднимать руку на вашего ребенка – при чем тут, скажите, пожалуйста, диплом о высшем образовании? И агентства по подбору данного персонала не несут никакой ответственности за действия и поступки таких вот нерадивых кандидатов.

Вопрос возраста няни. Большое заблуждение, когда на вакансию няни рассматривают женщин до пятидесяти лет. Нередко приходилось общаться с нянечками в возрасте и шестидесяти, и шестидесяти пяти лет. И среди них немало таких, которые здоровее, шустрее и крепче многих пятидесятилетних! С них можно и нужно брать пример: они опытные, уравновешенные, крепкие и закаленные «в бою». А «развалюх», да с расшатанной психикой и среди тех, кто помоложе хватает.

Когда семья в помощь с ребенком берет девушку-студент-

ку, с которой, как считают родители, их чаду точно не будет скучно, то это тоже не совсем правильно, на мой взгляд. Без сомнений, и молоденькие девушки есть очень и очень ответственные. Но, думаю, что жизнь и здоровье ребенка все же, лучше доверить более опытному человеку. Ну, если, конечно, речь не идет о том, чтобы с вашим ребенком поиграли и позанимались часок, другой.

Теперь что касается рекомендаций, которые некоторые семьи просят предоставить. Мы зачастую действительно слепо следуем правилам, которые преимущественно для галочки. Некоторые няни рекомендации себе пишут сами, а близкие их друзья или родственники, выступающие в роли бывшего работодателя, в случае, если с ними на связь выходит новый работодатель, подтверждают: да, няня действительно хорошая, но так случилось, что либо отпала необходимость в ее услугах, потому что ребенок уже повзрослел, либо предстоит поездка за границу, либо нянечка стала бабушкой и стала меньше времени уделять им, либо, либо... В общем, сами понимаете. Частая смена семей бывает по разным обстоятельствам, и понятно, что основное это – либо няня не подошла семье, либо семья не подошла няне, а уж почему кто-то кому-то не подошел – это дело сугубо индивидуальное, причины всегда найдутся. Сотрудничество семьи и няни редко заканчивается по обоюдному согласию и, как правило, сроки сотрудничества обговариваемые изначально очень относительны, не всегда получается придерживаться обещан-

ного и у одних, и у других, поэтому случаи, когда обе стороны расходятся дружно и мирно не частые. Даже если все и завершается хорошо, семья, как правило, предлагает няне самой написать рекомендацию на себя, мотивируя своей занятостью, и не возражая при этом, чтобы новые работодатели могли позвонить им. Но бывает и так, что няня побаивается давать контактный номер телефона предыдущей семьи. Кто знает, под какое настроение этих мамочки или папы можно попасть? И даже если у нее отношения с этой семьей и их детьми были хорошими, как ей, по крайней мере, казалось, что именно они могут сказать на самом деле, еще неизвестно. Зачем рисковать, лучше дать номер телефона своих друзей, уж они-то точно скажут все, как надо.

Не жалейте потратить свое время на поиски и подбор няни, делайте это заранее и ни в коем случае не в спешке, потому что вам вдруг срочно понадобилось выйти на работу. Не устраивайте собеседований с заполнением различных анкет, и проведением тестирований. Вы узнаете и почувствуете человека на много лучше, если пообщаетесь с ним за чашечкой чая, за обедом, или на совместной прогулке вместе с ребенком. Желательно провести совместных дней с няней и ребенком как можно больше. Будьте наблюдательны и не торопитесь!

Что же касается меня, то ни в одном из агентств, никто мной так и не заинтересовался. Я не подходила под общие стандарты: дипломов у меня не было, опыта работы няней

тоже не было. А то, что вырастила и воспитала своего ребенка, никак не учитывалось. И допускать меня к детям, видимо, было нельзя. А в семье с мужьями, как я поняла, – так и вообще опасно.

Но вот я уже и няня, и воспитатель, и врач, и психолог – все в одном лице. Я посещаю две семьи: четыре дня в неделю в одной семье, два дня – в другой. В одной семье у меня Максимка четырех лет и его старший брат Саша, в другой – Дениска, которому восемь месяцев. И знаете, быть няней – это очень ответственно, ты отвечаешь за жизнь и безопасность доверенного тебе ребенка. Никакая ответственность офисного сотрудника не идет в сравнение с ответственностью, которую несет няня за жизнь и безопасность доверенного ей ребенка.

В семье, где Максимка с Сашей, я провела почти три года, в семье, где Дениска, – неполные четыре года. Конечно, за эти годы случались между нами и недопонимания, значительные или менее, но так они между родными и близкими людьми тоже бывают. Главное, что у нас получалось договориться, понять и услышать друг друга. Мы были нужны друг другу. И расстались мы хорошо. У меня появились новые семьи, и одновременно идет работа над книгой.

Вот ведь как в жизни бывает, в течение двадцати лет в любую крупную авторитетную компанию устраивалась на работу с первого собеседования, а в няньки пробиться не могла – образования высшего не хватало.

Я выбираю, меня выбирают

Да, выбор подходящего человека для семьи – дело непростое. Как и для человека, желающего помочь семье с детьми.

Пригласили меня в семью к мальчику трех лет. Требования, в общем, стандартные, ничего нового, главное пожелание – безопасность ребенка, а также, взаимопонимание, соблюдение рекомендаций родителей и так далее. Изначально по телефону общалась с папой ребенка, и общение при встрече тоже проходило с ним. Ни мамы ребенка, ни самого ребенка при этом не было. По тому, как складывался разговор, было понятно, что человек он пунктуальный и требовательный, как к себе, так и к окружающим. Был внимателен, предложил чашку чая и легкий перекус. Разговор вроде как сложился, но в завершение его он мне вдруг выдает такую фразу:

– Да, и вы знаете, никакого общения по мобильному телефону на протяжении всех этих восьми часов, которые вы проводите с нашим сыном. Все внимание на ребенка, все свое время вы полностью посвящаете ребенку.

Услышанным немного ошарашена. Непроизвольно быстро пришедшая в тот же момент мысль о том, что надо говорить «до свидания» и уходить, так же быстро сменилась на другую мысль – «а почему бы не понять причину такого ультиматума?» Меня берут в помощь или в заключение на

эти восемь часов? Решила прояснить. Сказать «до свидания» проще простого, но мне захотелось понять, что в голове у этого человека и откуда такие требования. Я никуда не торопилась и, приняв решение потратить еще десять-пятнадцать минут на этого чудака, мягко выражаясь, спросила у него:

– Если мне будут звонить мой ребенок, муж или пожилая мама, а я не буду отвечать на их звонки и сообщения – вы такую ситуацию действительно считаете нормальной? Позвонить могут, к примеру, из стоматологии, чтобы я подтвердила свой визит к врачу, да и много других возникает различных ситуаций, когда необходимо дать ответ за короткий промежуток времени, они не частые, но они случаются.

На что мне сказали:

– Мы не хотим, чтобы, отвечая на очередной звонок, вы недосмотрели за нашим сыном и с ним что-нибудь произошло.

– А когда я посещаю туалетную комнату, нет вероятности, что с ним может что-нибудь произойти?

– Это вынужденные моменты, и вы наверняка знаете, как сделать так, чтобы в такие моменты ребенок оставался под вашим наблюдением или в безопасности, – ответили мне.

– Отвечая на звонок по телефону, я тоже знаю, как сделать так, чтобы ребенок оставался под моим наблюдением или находился в безопасности. И простите, а вы, когда находитесь на работе, тоже не допускаете личных разговоров или переписку по телефону в случае необходимости?

– Моя работа никак не связана с детьми, и, если я отвлекусь, это не поставит жизнь ребенка под угрозу.

– А когда вы с ребенком дома один, и вам звонит кто-то из близких, родных людей, либо поступает какой другой важный звонок, вы тоже не отвечаете, так как это может повлечь угрозу для вашего малыша?

– Мы, родители, сами принимаем решение, как в какой ситуации должны поступать.

– Но, ограничивая таким странным образом действия человека, пришедшего помогать вам, вы, получается, берете его в «заключение», запрещая ему общение по телефону на протяжении тех восьми часов, что он находится в вашем доме. Что точно так же может поставить под угрозу жизнь и здоровье его родных людей. Прими я ваше предложение, вполне возможно, может случиться так, что, не ответив на звонок кого-либо из них, я не окажу им своевременную необходимую помощь. Слышала, что в колонии строгого режима и на некоторых производствах закрытого типа существуют такие требования.

– Меня, в первую очередь, волнует жизнь и безопасность моего ребенка.

У меня в голове сразу промелькнула мысль о детском садике, где одна воспитательница и нянечка на группу в пятнадцать человек. Получается, что жизнь всех этих детей находится под угрозой. А что тогда про школу говорить. Ладно, не мое это дело, устраивает – соглашайся, не устраивает –

уходи. Поняв в результате общения, что у человека, выдвигающего такие требования, здравый смысл частично отсутствует, я решила больше не копать в его мозгах и, пожелав удачи в поисках помощницы, с облегчением ушла из этого дома.

Это крайности, так нельзя. Но, рассуждая еще какое-то время над сложившейся ситуацией, подумала о том, что я же ничего не знаю об этом человеке и его семье, может, он пережил потерю близких ему людей, от чего и зарождаются у него такого рода опасения, откуда и вытекают подобные требования. Не каждый захочет об этом говорить и вспоминать. Пусть эти мои рассуждения так и останутся домыслами, но в очередной раз напоминая себе: «Не суди, да не судим будешь».

Как-то пришла к трехлетнему Дениске, а он разболелся. Елена, мама мальчика, оставив нас, уехала по делам, но уже через час начала писать мне на телефон сообщения одно за другим. Нет, это были не ценные указания, так, ничего существенного, у нее были свободные минутки, ей хотелось немного пообщаться и узнать, как мы и что делаем. Порой сложно вести переписку, ребенок то на руках, то кормишь его, бывают моменты, когда к малышу требуется особо повышенное внимание. Завидев мобильный телефон в руках взрослого, малыши, зачастую начинают выхватывать его со злостью, с намерением швырнуть куда подальше. Поэтому

иногда все же стараешься убирать телефон, понимая ревностное отношение ребенка к его присутствию, небезосновательное, надо сказать.

Маме Дениски пришлось написать тогда, что возможности отвечать на ее сообщения нет, так как Дениска, учитывая его плохое самочувствие, капризничает и находится у меня на руках и мне не до телефона. Конечно, она все поняла. Эту семью посещаю уже более двух лет, испытаний пройдено немало, поэтому мама Дениски уже не сомневается в моих действиях и в моем отношении к ребенку.

В течение дня всегда стараюсь написать родителям ребенка хотя бы пару строк о том, как у нас дела и чем мы занимаемся. Иногда могу отправить фото или видео, когда, например, малыш сам впервые что-то сделал, или когда улавливаю какой-то трогательный момент, или просто для того чтобы показать родителям настроение ребенка для их меньшего беспокойства о нем. Переписку чаще веду либо когда малыш спит, либо когда он не требует постоянного внимания к себе, так как бывает, что ребенок не дает ни по телефону поговорить, ни сообщение написать. Каждый здравомыслящий человек, которому родители доверили своего ребенка, конечно, должен понимать, когда он может пообщаться по телефону, а когда этого делать не стоит. Но родителям надо постараться найти себе в помощь непременно и обязательно здравомыслящего человека.

Есть родители, которые не разрешают фотографировать своих детей, опасаясь, что фотографии с их детьми будут выкладываться в интернет. Только как выполнение данного требования можно отследить – не совсем понятно, только наличие в квартире или по всему дому камер видеонаблюдения. А на прогулке тогда как? Обязательно должно быть взаимное уважение и доверие между вами и человеком, пришедшим в помощь с ребенком.

Некоторые семьи, останавливая на тебе свой выбор, до начала или в самом начале сотрудничества просят предоставить паспортные данные и анализ крови, состоящий из трех пунктов. Некоторые изъявляют желание ознакомиться с трудовой книжкой, что вполне резонно. Есть такие родители, которые просят предоставить справки о том, что вы не состоите на учете в наркологическом и психиатрическом диспансерах. В перечень возможных пожеланий может входить как биохимический анализ крови, так и анализ на стафилококковые инфекции. И не всегда это разнообразие, со всей срочностью его исполнения, предлагает оплатить семья, берущая тебя в помощь, что, кстати, уже является одним из первых показателей, дающих изначально верную характеристику людей, с которыми, возможно, тебе придется общаться в дальнейшем.

В одной семье, которую посещала приблизительно в течение полутора лет, занимаясь с ребенком, у принесенной с улицы кошки только спустя несколько месяцев ее пребыва-

ния в доме при обследовании обнаружили лямблиоз. Здоровье всех членов семьи, которые с ней контактировали, и мое в том числе, соответственно под угрозой.

Все чаще задумываешься над тем, что, пожалуй, тоже пора уже начинать просить некоторых родителей предоставлять медицинские справки о состоянии здоровья, которые они требуют в обязательном порядке от пришедшей к ним няни. А также справки о состоянии здоровья их милых хвостатых членов семьи.

В семье, которую я посещала почти три года, в которой младшенький Максимка, а старшенький Саша, если кто-то заболел, мама детей старалась сообщать мне об этом заранее и особенно, если это был вирус (о пандемии 2020 речи тогда еще не шло). Меры она принимала оперативно и вызывала врача на дом сразу, как только чувствовала первые признаки заболевания у кого-либо из членов семьи. При подтверждении врачом вирусной инфекции или даже при малейшем подозрении на нее, она звонила мне и просила не приходить, так как понимала, что, если своевременно не предотвратить наш контакт, то и последствия для всех нас будут не самыми радостными. А последствия – это дни, проводимые ею с Максимкой на успокоительных каплях – без меня, и без возможности выехать из дома по делам. А также продолжительность моего лечения и выздоровления, ведь выкарабкиваться, как правило, приходится как мини-

мум неделю, а если вирус – то и все две. В те дни, в которые я не выходила, по причине их изоляции, они еще и брали ответственность за меня. Надо отдать должное и семье Дениски, они тоже проявляли ко мне внимание, когда причиной моего невыхода к ним являлись они сами.

Многие же сообщают по факту, когда уже на пороге стоишь, что либо ребенок заболел, либо кто-то из членов семьи. А иногда и вовсе ничего не говорят и ни о чем не предупреждают, ходишь по квартире и видишь, как пьют жаропонижающее и меняют носовые салфетки одну за другой. Так вот знать бы заранее, можно меры экстренные принять, глядишь и обошлось бы. Ведь и в другие семьи идешь к детям, туда инфекцию несешь, да и своих близких заражаешь. Конечно, дети часто болеют и помощь родителям в эти дни особенно нужна. Но ведь если няня придет в вашу семью заболевшая, вряд ли кому-то это понравится, а ей тоже дома сидеть нельзя, жить надо на что-то. Всегда можно найти решение, как с наименьшим ущербом для обеих сторон выйти из той или иной ситуации. Но предупреждать надо обязательно, это элементарные нормы уважения по отношению друг к другу.

Надо постараться не уходить от темы заголовка «Я выбираю, меня выбирают». Бывали ситуации: приходишь в новую семью на собеседование или на пробный день, кажется, что все идет хорошо, взаимопонимание с ребенком и родителем найдено, но при этом в ожидании ответа о принятом решении в отношении тебя либо вовсе не звонят, либо вежливо

сообщают об отказе. И это нормально, так бывает, даже если тебе показалось, что контакт состоялся. Мне потом родственница, с которой я делилась неким своим недопониманием происходящего, как-то сказала:

– Вот неудивительно, что тебе иногда отказывают, с тобой-то модельной внешностью все за мужей своих переживают.

– Но мне уже под пятьдесят, это абсурд, да и семьи-то почти все молодые.

Но кто знает, кто знает, да и это всего лишь предположения, может, действительно все дело в отсутствии высшего образования, няня все-таки, ребенка и к горшку приучить надо и алфавиту обучить.

Дениска в свои три с половиной года еще плохо выговаривал некоторые слова и зачастую шепелявил. Он говорил мне:

– Вы такая *класота*, *Геогивна*!

Очень трогательно это звучало из уст ребенка. Я так думаю, что это он слова мамы повторял.

Как-то, после обеда, перед полуденным сном решила развлечь парня и рассказала ему придуманные мной истории: одну про роботов-официантов, другую про роботов-полицейских. Правда, проснувшийся у него интерес к продолжению этих историй совсем отвлек его от так необходимого нам тихого, спокойного дневного сна. Взяв небольшую паузу в разговоре, давая понять, что я тоже уже устала и не прочь

пойти отдохнуть, говорю ему:

– Дениска, ты сейчас будешь спать и смотреть красивые сны, как мультфильмы, как будто попадешь в волшебную сказку. Что бы ты хотел, чтобы тебе приснилось? Подумай, что ты хочешь увидеть во сне.

И была уверена, что захочет увидеть продолжение этих самых историй.

Дениска лежит, повернувшись в мою сторону, смотрит на меня и молчит, думает о чем-то, и почему-то решает спросить меня:

– А что бы ты хотела, чтобы тебе приснилось?

– Я бы хотела, чтобы мне приснился красивый корабль, на котором я плыву в путешествие по разным странам.

– А ты, что бы ты хотел увидеть во сне? – снова спрашиваю я его.

– А я бы хотел, чтобы мне приснились твои красивые глазки.

Сказав это, он повернулся на другой бок уже почти засыпая, утомленный моими рассказами и разговорами. И это сказал мне малыш, которому всего-то три с хвостиком.

Каждый раз открываешь для себя что-то новое в детях, задумываешься над всем этим, делаешь выводы. Один целует тебе руки в благодарность за то понимание, которое он не может получить от родителей; другой – обнимает до удушья; третий – сидя на горшке говорит что любит тебя; четвертый

– совсем кроха, от переизбытка чувств, что нам так здорово и весело вместе, не умея еще выразить свои эмоции, колотит тебя кулачками, стиснув зубки. Когда ты наконец получаешь от чужого ребенка ответную любовь, значит, все не зря, все не зря... Но сегодня тебя любят, а завтра уже и видеть не хотят, выгоняют, как только переступаешь порог их дома, а через месяц опять любят и скучают. И так тоже бывает. Построить отношения с чужим ребенком непросто.

Как-то в разговоре с Дениской, когда он спросил, приду ли я к нему завтра или нет, я имела неосторожность сказать, что завтра иду к другому мальчику. Ох, если бы я знала, какая после этого последует месть. Он изводил меня, наверное, месяц. Он говорил, что видеть меня не хочет, он не хотел со мной ни разговаривать, ни играть, я места себе не находила. Он привык к мнению, что главный в семье он, он всех лучше, и все – только для него. Потом решила поговорить с ним, подробно объяснив, почему я прихожу к нему, почему я прихожу к другим деткам и почему я это делаю. Объяснила, что многим родителям нужна моя помощь, что им надо работать или делать много разных насущных взрослых дел. А бабушки и дедушки порой живут в других городах, а в детских садиках детки постоянно болеют и вынуждены много времени проводить дома, поэтому я и иду на помощь родителям, а еще и потому что я люблю детей, ну и так далее. И, конечно же, мне пришлось добавить, что его я люблю больше всех на свете и что он мой любимчик, что, в общем,

так оно и было на самом деле.

В дальнейшем на встречи, собеседования и пробные дни стала я одеваться, как бы сказать правильнее, более невзрачно что ли. Чтобы в беседе с родителями они больше делали акцент на мои знания, опыт, на мое умение находить контакт с детками, на мои взгляды на воспитательный процесс в целом и мой подход к нему.

Как-то вечером решила перетряхнуть весь свой гардероб с целью вызволить оттуда все самое устаревшее: блузки, джемперы, брюки, юбки, косынки, отбирая наиболее подходящие варианты для уже запланированных последующих собеседований. Из отложенного выбираю что поскромнее, примеряя на себя все самое невзрачное, одновременно советуясь со своей дочерью. А она наблюдает за мной, уже измученной этим нескончаемым процессом, и, улыбаясь, говорит:

– Мама, как бы ты ни оделась, красоту ничем не скрыть.

Не в моей натуре чужих мужей отбивать. Более того, я бы очень хотела, чтобы мужья больше уделяли внимания своим женам, чтобы то, что затерлось повседневным бытом, приобретало все новые краски, и чтобы мужчины никогда не покидали свои семьи и не уходили от своих детей. Бывает, делаю искренние комплименты той или иной мамочке малыша в присутствии ее мужа: как она прекрасно выглядит сегодня или как она вкусно готовит, как она все правильно делает, и

что мне есть чему поучиться у нее.

В свое время была приглашена еще в одну семью к мальчику восьми лет. Людьми мне показались они неплохими, но все было как-то уж слишком неприятно для меня в атмосфере их жилища. Живут недалеко, всего десять минут на машине, что немаловажный фактор, но и он не перевесил. После первой встречи второй – не захотелось.

Предупредили, что домофон не работает и встретят меня у подъезда. Встретили, поднялись на этаж, зашли в квартиру с плохо освещенной прихожей, заваленной, на мой взгляд каким-то хламом. Через приоткрытые двери в другие комнаты увидела такой же беспорядок в таком же неприятном полумраке. Извинившись за неразобранные свалки вещей и за перегоревшие лампочки, пригласили пройти на кухню. На кухне взгляд поневоле задержался на табурете, на тканевой обивке которого сияли засаленные пятна, на него и предложили присесть. Садиться не хотелось, я упорно на него смотрела в недоумении, до последнего в надежде на то, что, может, мне предложат присесть на что-то другое. Но, так как мой осмотр этого самого табурета немного затянулся и мне никто ничего другого предлагать, конечно же, не собирався, подумала – ладно, будь что будет, если и отпечатается пятно, которое отчетливо там вырисовывалось, на моей юбке, то приду домой и быстро застираю, если что.

Все собрались за кухонным столом. Мама мальчика сидела молча. Перед папой на столе лежала анкета, по которой

он и начал меня опрашивать, или тестировать, даже не знаю, как правильно передать, что это было. Я бы не удивилась, если бы это был обычный список вопросов, так как в разговоре действительно можно что-нибудь да забыть из того, что в планах было спросить. Но нет, это была распечатанная анкета, в которой во время нашего разговора он ставил плюсики, минусы и галочки. Разговор не клеился. Возникало много пустых и неловких пауз, во время которых сидели в тишине. Прерывать мыслительный процесс папы, подолгу смотревшего в анкету, никто не решался. Паузы затягивались. В голове постоянно крутилась навязчивая мысль о том, что, пожалуй, надо принести извинения и, под предлогом следующего собеседования, исключающего опоздание, побыстрее удалиться. Но, взяв себя в руки, вспомнила, что человек я все-таки воспитанный, поэтому надо набраться терпения и не торопить ситуацию. Чрезмерно затянувшиеся взгляды папы в анкету и с трудом формирующиеся в его голове вопросы очень затормаживали весь процесс нашего знакомства. Строчки, напротив которых он ставил плюсики, минусы и галочки, либо не совпадали по смыслу с тем, в каком русле шел наш разговор и какие ответы давала я, либо были какие-то еще причины, почему он так долго думал над каждым следующим вопросом, но выглядело все это немного странно. Ситуация зашла в тупик. С мамой мальчика, которая лишь изредка вставляла комментарии в разговор, полагаю, мы быстрее бы нашли взаимопонимание, учитывая, что

за пять – семь минут от момента встречи у подъезда и показали до квартиры нам, по крайней мере, было о чем поговорить. Но, по каким-то причинам бразды правления отданы были именно папе ребенка. Искреннего, открытого, душевного разговора не получалось. Чтобы разгрузить ситуацию и довести наконец это несостоявшееся общение до какого-то заключительного этапа, пришлось прервать мысли папы и направить разговор в другое русло.

Все было некомфортно: и мрачная неряшливая квартира с отсутствием свежего воздуха, и засаленная обивка табуэта, и папина анкета с его непонятным следованием табу собеседования... в общем, не сложилось.

Когда выбирают нас или когда выбираем мы, всегда встает важный вопрос о наличии или отсутствии камер видеонаблюдения. И мое твердое убеждение – родители должны видеть, что происходит в течение дня с их ребенком и в их квартире.

В самом начале сотрудничества с семьей Максимки как-то выдался у нас денек, скажем так, не из лучших. В тот день вел он себя надменно, будто подражая поведению взрослого человека, из уст его текли слова оскорблений, он обзывался плохими словами и всем своим видом пытался показать, кто здесь главный.

Вопросы коммуникации с Максимкой старалась решать и налаживать самостоятельно. Но бывали такие ситуации, ко-

гда приходилось и родителей приобщать. И вот, в один из дней, не из лучших, перед уходом домой все же решила рассказать родителям о его поведении в их отсутствие, и о словарном запасе нехороших вульгарных слов, которые услышала в свой адрес от их четырехлетнего сына. Мама Максимки молча меня выслушала, никак не прокомментировав услышанное, и с задумчивым молчанием, от которого так и веяло недоверием, проводила до лифта. Родители знали, на что способен их ребенок, и знали, что можно ожидать от него. Возможно, мама была в растерянности от услышанного и не была готова сразу отреагировать на ситуацию. Возможно, не поверила, так как выражение недоверия на лице было не скрыть.

Это не самый критичный вопрос, истинность которого можно было бы проверить по записям видеонаблюдения, чтобы не играть в игру «верю-не верю». Но и он в дальнейшем может обернуться неприятными последствиями для родителей, если не принять меры своевременно. А ведь есть куда более серьезные ситуации. Одно дело, когда невоспитанный ребенок так себя ведет, а совсем другое, когда так же ведет себя взрослый человек по отношению к вашему ребенку.

Родители должны видеть, как взаимодействуют няня и ребенок, и тем более если у вас младенец. Установка видеонаблюдения даст истинную картину происходящего в случае какой-либо неординарной ситуации. Устанавливать нуж-

но обязательно. А если кто и не соглашается идти в семью, в квартире или в доме которой установлено видеонаблюдение, где за каждым поворотом головы, руки, ноги будут следить, то это их право, право выбора есть у всех.

Мое первое знакомство с Максимкой и его мамой

Первые полгода моего пребывания в этой семье я нередко получала удары от четырехлетнего Максимки, и в живот, и в голову, в грудь – куда придется. Удары были целенаправленными и наносились со всей злостью. В семье доставалось всем, но если родители могли какими-то способами приостановить такое безобразное поведение своего ребенка, хотя, честно скажу, им это тоже плохо удавалось, то мне по статусу было не положено делать то, на что имели право родители. Приходилось находить другие пути решения проблемы. Через год, когда удары уже окончательно поутихли, я все же сделала для успокоения души и мрт, и узи. Крепким здоровьем и без того не похвастаться.

Когда в первый день пришла в эту семью для знакомства, обстановка поначалу показалась мне комфортной. К сожалению, ощущение это оказалось обманчивым, и его как метлой смело уже по окончании часа общения с членами семьи. С мамой Максимки беседа шла, как мне казалось, достаточно открыто. Она была улыбчива и позитивна. Правда, зачем-то настоятельно просила охарактеризовать себя с помощью части речи «прилагательное». Я применила к себе два прилагательных – «добрая» и «строгая» и решила, что достаточ-

но. Но она сказала: «Надо еще». И поскольку уже пошло давление на мою сознательность, пришлось перечислить еще пяток. После нашего не слишком продолжительного общения она пригласила на кухню и Максимку. Она задавала ему разные вопросы, пытаясь завязать с ним разговор, чтобы он немного раскрылся, и тем самым показать мне, что из себя представляет ее ребенок.

При первом знакомстве с семьей не всегда сразу вступаю в диалог с их детьми, смотрю по тому, как складывается ситуация. Один ребенок открыто идет на контакт, проявляя инициативу в общении, другой будет настороженно смотреть в твою сторону и прятаться за маму, третий может открыто тебя игнорировать, ревностно реагируя на то, что внимание с него переключилось на пришедшего к ним в дом нового человека. А бывает, что приходится делать вид, будто и не обращаешь никакого внимания на ребенка, потому что есть дети, которым не нравится, когда новый взрослый при первом знакомстве сразу же начинает навязывать свое общение.

Так вот, как только Максимка появился на кухне и как только мама начала с ним разговаривать, он тут же опустил голову и начал ходить кругами по кухне. Разговорить его не получалось никак. Непроизвольно обратилось внимание на то, что интонация мамы, с которой она к нему обращалась, похоже, ребенку не очень нравилась. И разговаривала она вроде бы по-доброму и улыбалась при этом, но проскальзывала какая-то холодная нотка легкого пренебрежения, кото-

рая как бы подчеркивала её превосходство над ситуацией. Максимка тем временем продолжал накручивать круги и не мог при этом ни слова вымолвить из себя. После каждой фразы, сказанной мамой, напряжение его только нарастало. Мама, уже понимая, что ребенок не желает идти на общение, становилась еще более раздражительной: интонация ее голоса менялась, она переходила на повышенные тона, и ее обращения становились все более категоричными. Видя, что ребенок не может остановиться и, не поднимая головы, продолжает накручивать круги еще более нервно, я почувствовала неладное. И, когда он уже совсем перестал отвечать на вопросы, как будто войдя в ступор, у меня возникло желание подойти к нему, взять за ручки, сказать что-нибудь доброе, обнять, отвлечь от происходящего и, конечно же, переключить его внимание на другое. В моей голове мелькнула мысль, что сейчас мама так, наверное, и поступит, видя, что происходит с ее ребенком. Но в результате уже через десять минут такого их общения у мальчика началась истерика, что-то вдруг пошло не так. Тогда она выпроводила его из кухни и закрыла за ним дверь. Но не тут-то было, этот жест мамы ему не понравился, он снова и снова с криками пытался ворваться на кухню, стуча в дверь ногами и руками. Крики разносились по всему дому, лицо ребенка принимало бордово-синие оттенки, мама раз за разом оттаскивала его от кухни в детскую, а там потом началось страшное – истерику в том виде, в котором она выражалась у этого мальчика, я,

пожалуй, увидела впервые.

Не думала, что смогу остановить свой выбор на этой семье, но очень меня устраивал график посещения: три дня в неделю я должна была посещать Максимку, два дня на неделе – другую семью, где восьмимесячный Дениска. Так начались мои дни на успокоительных. Я терпела от этого ребенка все и даже больше, чем может вытерпеть посторонний человек. И, конечно, проще было уйти. Договориться с ним было невозможно ни о чем, настроение его менялось каждые пять минут, и раздражался он абсолютно от всего. В истериках он кидался на пол, бился головой о пол и стены, доводя себя криками и визгами до посинения и полного изнеможения. Повторялось такое часто. Зрелище страшное и непривычное. Показатели моего давления с каждым разом поднимались все выше, и моя нервная система не была готова к подобным испытаниям. Мама Максимки почти каждый день принимала успокоительные капли и все ждала, что в любой момент ее заберут на скорой помощи с инсультом или инфарктом, она сказала мне однажды: «Хорошо, что вы рядом, в случае чего».

Конечно же, родители были обеспокоены таким поведением ребенка и пару раз возили его к психологу. Психолог, пообщавшись с Максимкой, сказал, что мальчик умный и ничего такого, за что можно сильно переживать, он не наблюдает, с ребенком все в порядке. Но пару рекомендаций маме все же дал, учитывая ее рассказы про поведение Максимки,

которое вызывает у нее уж слишком сильное беспокойство.

Я находилась в замешательстве – уходить из этой семьи или оставаться? Поразмыслив, решила не паниковать, не метаться, а успокоиться, все взвесить и немного подождать с принятием окончательного решения. Я прекрасно знала, что сложных детей много, пусть не до такой степени, конечно, но и переходить из одной семьи в другую – это не решение вопроса, да и надоело уже. Так как и предыдущая семья, в которой была озлобленная девочка, которая постоянно билась своего брата, однажды даже пыталась задушить его в очередном приступе гнева, искренне желая ему смерти, и их мама, ничуть не печалившаяся о скорой кончине бабушки детей, которая растила их долгое время одна (ведь, наконец, появлялась возможность решить жилищные проблемы) – тоже не отличалась положительными моментами.

Спустя время как-то неожиданно для себя вдруг поняла, что Максимке надо помочь и облегчить тем самым себе пребывание в этой семье. Решение немного эгоистичное, но одновременно и благое. Как говорят, не можешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней. Но то, что моя помощь нужна этому ребенку, и в большей степени именно ребенку, а не его маме, так как наконец поняла причину конфликтов в их взаимоотношениях, – я не сомневалась.

Конечно, Максимка меня испытывал, конечно, как делает большинство детей, он проверял меня на прочность, прощупывал, где, когда и как можно мной управлять и мной мани-

пулировать. Но и Максимку, и его маму я в результате предупредила, что, если он будет продолжать распускать руки, то терпеть такого поведения я больше не стану и буду давать ему сдачу. И за каждый нанесенный мне удар я буду шлепать его по рукам. Сказала я им об этом своем принятом решении, правда, только спустя несколько месяцев моего посещения их семьи, а за это время мне было нанесено уже немалое количество ударов. Когда я озвучила это свое решение, мама Максимки промолчала, но по ее лицу было видно, что она в замешательстве от мною сказанного. Сама она могла позволить себе такое, да и много большее, ну а тут вдруг – как так, кто-то будет давать ее ребенку сдачу.

С тех пор, как только Максимка меня ударял, я шлепала его по рукам, давая понять, что я не «груша» для битья и терпеть такой вседозволенности с его стороны более не собираюсь. «Если стукнешь, то обязательно получишь сдачу», – не раз говорила я ему. Мои предупреждения, увещевания, разговоры и попытки объяснить на протяжении нескольких месяцев, что «распускать руки» плохо и что делать этого нельзя – результатов не приносили. Впрочем, если у родителей не получалось, то я уж совсем была на новенького.

Опишу мое первоначальное видение ситуации в отношениях между Максимкой и мамой. Как мне казалось, Максимке нравилось всех доводить, порой он умышленно создавал конфликтные ситуации, накаляя обстановку до самого предела, а в результате чего уже и сам был не рад происходя-

щему. Мама, доведенная до очередного нервного срыва, как обычно вышвыривала его в детскую комнату, где он визжал до изнеможения и, как всегда, бился в истерике на полу, а потом, посинев и задыхаясь, начинал кричать: «Я не могу успокоиться, помогите мне, я не могу успокоиться!»

Но тем не менее это повторялось с постоянной периодичностью. Почему такое происходило, некоторое время я не понимала, но похоже было на протест. Максимка – умный мальчик, в свои четыре года он умеет считать до ста и в обратном порядке, размышляет по-взрослому, рассудительно, его увлекают шахматы, по всему видно, что у него математический склад ума. Разрабатывает четкую стратегию в играх, продумывая расстановку армии и бронетехники при подготовке к игре в войнушку, а также устраивая гонки с препятствиями играя с машинками. Он рассчитывает каждое свое действие. И, если вдруг случалось так, что какой-то предмет его игры, пусть даже уже завершённой, был кем-то случайно сдвинут с места, это вызывало истерику. Математический склад ума, может, вовсе и ни при чем, тут, скорее, все дело в тонкой психической организации, но терминами разбрасываться не буду, я не психолог.

Когда в комнату к нему заходит мама и говорит, что пора мыть руки и идти обедать, то у него начинается протест, он не может этого сделать, так как нарушается внутреннее расписание его действий. Конечно, нельзя ребенка вот так сразу отрывать от того дела, которым он занят, и, надо сказать,

мама относилась к этому с пониманием и всегда старалась давать ему время на завершение игры, но и это не помогало. Закончив одну игру, он приступал к другой, открыто игнорируя все последующие мамины просьбы. Объяснения со стороны мамы, почему необходимо своевременно сделать то или иное дело, тоже не помогали. В результате мама срывалась на крик и все шло по обычному сценарию, с истериками и скандалом.

С мамой Максимки мы нечасто находились подолгу в течение дня: я приезжала – она собиралась и уезжала, а могла и на пороге уже стоять, ждать меня. Она не работала, поэтому, бывало, что с моим приходом оставалась и дома, когда неважно себя чувствовала или отсутствовали дела вне дома. И, чем чаще я находилась с ней в контакте и чем больше могла наблюдать за ее отношением к Максимке и за ее манерой общения с ним, тем отчетливее начинала понимать, в чем заключалась проблема их взаимоотношений.

Максим копировал маму, ее манеру поведения и общения, но выражал это по-своему, под своим детским ракурсом. У мамы не получалось ровного и спокойного общения ни с Максимкой, ни с Сашей. А если и случалось, то было, как правило, непродолжительным, в какой-то момент все плавно переходило в возмущение и крик. Минут пять она может обнимать и целовать Максимку, но спустя еще пару минут, если он вдруг начинал делать что-то, что не нравилось маме, идиллия заканчивалась, она тут же срывалась на

крик, а в результате опять скандал и истерика у ребенка. И так шло по кругу: она его целовала, обнимала, потом он делал что-то не так, а «не так» в понимании мамы – это или на кровати начал прыгать, или не шел ужинать в положенное время, или чесал пятку чистыми руками через грязный носок на ноге, ну и так далее; мама начинала ругаться на Максимку, он не слушался, мама еще более переходила на крик, он впадал в истерику, швырял на пол все, что попадалось ему под руку, потом она оттаскивала его в детскую комнату, пытаясь закрыть за ним дверь, что вызывало у ребенка еще больший гнев... а через какое-то время она опять принималась его жалеть, потому что у нее возникало чувство вины перед ним. Она его жалела, он же на радостях опять что-то делал не так (носился по комнате или начинал дурачиться) – и так по кругу: замечания мамы, ее разгневанный крик, истерика у Максимки... Вот приблизительная картина происходящего.

Максимке продолжали приносить подарки, так как он обещал, что будет хорошо себя вести, но хорошо он себя не вел. Ему вновь и вновь покупались подарки, и он опять обещал вести себя хорошо, и так продолжалось, и продолжалось. Подарки были хоть и недорогие – преимущественно те самые, которые иногда покупаются родителями во время похода в супермаркет за продуктами, но тем не менее они были. И подороже были, конечно. Мама чувствовала себя виноватой, нервы ее были расшатаны, она «вспыхивала» по

каждому пустяку, кричала, но потом обязательно следовали «обнимашки», «целовашки», ну и подарки.

Спустя, наверное, только месяца четыре, как мы с Максимкой вместе, истерики его пошли на убыль, но полностью они, конечно, не исчезли, да и результаты желанные, мной запланированные появились далеко не сразу. Путь пришлось пройти – не выразить словами, какой нелегкий.

Как-то в очередной раз, когда Максимка устроил мне свой «театр со скандалом», я предупредила его, что сейчас придет мама, попросит меня рассказать о том, как он вел себя и будет очень недовольна, услышав о происходящем. Тогда он засмеялся и сказал:

– Да мама все равно простит и все равно потом купит мне игрушку или даст сладости. Мама сделает так, как я захочу. А как я захочу, так и будет.

Мне очень не понравились его смех и его ухмылка, с которыми он произносил эти слова. Да и сказано было так дерзко, да с такой взрослой наглостью и самоуверенностью, что по интонации его голоса мне даже показалось, что говорит не он, а кто-то другой, находящийся одновременно в этом ребенке. Уж слишком не совпадало то, что я перед собой видела, – такого маленького человечка, с тем, как это было озвучено, – нагло и дерзко. Мне даже не по себе стало. Но теперь я знала, насколько наглыми и расчетливыми могут быть дети уже в свои четыре года. И больше скажу – спустя пару лет, посещая очередную семью, я поняла, что такими дети могут

быть, еще даже и не достигнув четырех лет. И кто же их такими делает?

Если Максимку будут продолжать воспитывать в том же духе, то результаты будут печальными. Мамой он манипулирует полностью. Крики ее, истерики все равно заканчиваются рано или поздно тем, что она его обнимет, поцелует и даст что-нибудь вкусненькое, так как она чувствует себя виноватой за то, что кричала на него, шлепала и вышвыривала в детскую при очередном скандале.

Я старалась как можно реже жаловаться маме на поведение Максимки: иногда делала это в его присутствии, иногда без него – в зависимости от ситуации. Наладить контакт с ним у меня получалось, и определенного взаимопонимания мы достигли. И действительно, все чаще уже бывали дни, когда особо и жаловаться-то было не на что. Но как-то не выдержала, так как у него пошла новая волна оскорблений, унижений и указаний. Причем, произносилось все это похамски и с чувством безнаказанности. Я рассказала о сложившейся ситуации его маме, на что она мне с улыбкой ответила:

– Мне как-то делали гороскоп на Максимку, он же у нас в прошлой жизни был не то повелителем, не то главнокомандующим, подробностей не припомню. Вот мания величия и командный тон так до сих пор и текут по крови его и по нынешнее время проявляются.

Сказано это было с ироничной улыбкой на лице – в при-

сутствии ребенка. Таким образом, и хамское поведение и оскорбления в адрес взрослого человека были оправданы. Ну и после сказанного в присутствии Максимки нам всем потом еще долгое время пришлось бороться с его манией величия, и в первую очередь, самим родителям – что порождали, то и получали.

Когда пришла в эту семью, очень резало слух, что все члены семьи постоянно говорили Максимке о том, что он очень умный, что он самый умный. Да, конечно, детям надо об этом говорить – в меру. Но в данной ситуации это выглядело так, что Максимка *самый* умный, что как бы само собой подразумевало, что все вокруг совсем не такие умные. Он постоянно повторял, что он самый умный, и каждый раз ждал от меня подтверждения своим словам. Я старалась отвечать корректно и подводила своими ответами к тому, что в его семье все умные, поэтому и он тоже умный.

– И я умная, – говорила я ему. – И твои близкие: мама, папа, брат – тоже умные, но мы же не подходим ко всем и каждому и не говорим, и не рассказываем о том, какие мы умные и что мы самые умные.

Хотела дать понять Максимке, что быть умным – это нормально и что это не повод для хвастовства. Доходило до того, что каждый раз, когда мы приходили то на одну, то на другую детскую площадку, Максимка подходил к сидящим на скамейках людям, дети которых играли на этих самых площадках, и говорил им:

– А вы знаете, я очень умный! Мне все говорят, что я самый умный!

Некоторые не сразу находили, что ответить внезапно подошедшему к ним с такой репликой ребенку. Тогда он тут же абсолютно самоуверенно продолжал:

– А почему вы молчите, ничего мне не отвечаете?

Некоторые отвечали:

– Мальчик, иди-ка ты лучше играй.

Некоторые искоса поглядывали на меня – нетрудно было догадаться, о чем они думали. Другие, ничего не отвечая ребенку, опускали глаза в свои смартфоны, делая вид, что они очень заняты. Ну и, конечно, Максимка не упускал случая говорить каждому ребенку на детской площадке о том, что он самый умный.

Как-то мы все вместе оказались на кухне: Максимка, его старший брат Саша, их мама и я. Папа отдыхал в другой комнате. Максимка, выбрав момент, вдруг внезапно громко, обращаясь при всех именно ко мне, спросил:

– Скажите, а я самый умный?

Немного растерявшись от такой внезапной смены общей темы разговора, я начала ему отвечать:

– Максимка, ну, понимаешь...

Видя, что я замешкалась, он твердым голосом, громко и очень уверенно снова повторил свой вопрос, окинув всех присутствующих при этом хитрым улыбающимся взглядом:

– Нет, вы скажите, да или нет, я самый умный?

В воздухе повисло легкое напряжение: и мама, и Саша, кажется, тоже не были готовы к такому резкому отклонению от общей темы разговора. Быстро сориентировавшись и поняв намерения Максимки, я ответила ему уже более уверенно:

– Максим, здесь, на кухне, присутствует твоя мама – она умная. Здесь твой брат, он тоже умный, папа в соседней комнате – и он умный. И ты, конечно же, умный. Но я не могу сказать, что ты умнее всех, так как люди, которые окружают тебя сейчас, все старше по возрасту и, соответственно, опытнее и умнее тебя. И пойми, подходить ко всем и говорить, что ты самый умный – это неправильно. Воспитанные дети так не должны делать, и уж тем более умные дети так делать не должны.

И ведь не просто так он обратился именно ко мне, а не к маме или брату. Он хотел проверить меня: осмелюсь ли я сказать при его маме то, что говорю ему в нашей личной беседе. А говорила я ему все то же самое. Он никак не мог смириться с тем, что все в его семье восхищаются им, постоянно повторяя, что он самый умный, а вот няня говорит, что он просто умный – и при этом без всякого восхищения. Он был уверен, что в присутствии членов его семьи я обязательно скажу, что, конечно, он самый умный. Он не ожидал, что я отвечу не так, как хотелось ему услышать, и, убедившись, что врасплох меня не застать и что у меня есть свое твердое мнение, независимое от мнения его семьи, не достигнув поставленной цели, молча ретировался в свою комнату. На мо-

мент происходящего ему было неполных пять лет.

Вот так дети манипулируют, прощупывают и проверяют тебя на то, какая ты личность. А от этого напрямую будет зависеть и форма вашего дальнейшего общения. Если удалось завоевать уважение ребенка, то дружба и более-менее хорошее поведение с его стороны будут вам обеспечены, если нет – все будет намного сложнее. Мы с Максимкой потом не раз еще проговаривали тему «умников»: я приводила ему различные примеры, как достойно вести себя в обществе, что красиво, а что не очень красиво в поведении людей. Постепенно он все осознавал и принимал, и я была этому очень рада.

Саша – старший брат Максимки, с чрезмерным постоянством, при любой возможности, когда надо и не надо, говорил младшему брату:

– Ну ты красавчик!

Да и не только он, мама с папой тоже постоянно говорили ему об этом. Они, может, и не замечали того, как часто говорили, но, в моем понимании, это было чрезмерно. Ну, думаю, опять на детских площадках перед людьми краснеть придется, раньше ходил, не пропуская ни одной лавочки, говорил всем, какой он умный, теперь может начаться другая история: будет ходить и говорить всем, что он красавчик.

– Саша, – обращаюсь к нему, – ты не задумывался над тем, что называть мальчика, будущего мужчину, красавчиком, ну, как-то не совсем правильно, причем так часто – изо

дня в день, да еще по несколько раз за день? Это не лучшим образом может отразиться на его характере и на его поведении, может и не вырасти потом из такого мальчика настоящий мужчина. Девочке допустимо говорить, что она красавица, правда, тоже меру знать надо, но, когда в адрес мальчика регулярно слышишь такое обращение или похвалу, слух очень режет. Мама с Максимкой находились рядом при нашем разговоре с Сашей, а мне этого и надо было.

А потом встречаешь на своем пути таких вот подросших «красавчиков», у которых ничего мужского и не остается. Скоро нас, женщин, и защищать будет некому, одни «красавчики» с пучками и с заколками на голове и с задранной носом от своей красоты вокруг ходить будут. Есть же ведь более правильные и достойные слова для похвалы мальчика или мужчины. Это сугубо лично мое мнение. Принимать его или не принимать — дело каждого.

Возвращаясь к вопросу, как отражались на состоянии Максимки его конфликты с мамой и чем все обычно заканчивалось, скажу, что покоя от этого мне не было ни днем ни ночью. Я постоянно прокручивала в мыслях каждый их конфликт. Невыносимо было наблюдать, как мама сама порождает такое нервное поведение ребенка, разрушая тем самым его детскую психику. Она и ребенка изводит, и сама себя изводит, и вся семья на взводе. И мне все это уже тоже порядком надоело. Эта негативная обстановка не лучшим об-

разом отражалась и на моей нервной системе, и на моем образе жизни.

Наталья, мама мальчиков, — человек неуравновешенный, с резкими перепадами настроения: то улыбается, разговаривая мягко и приглушенно, то тут же на крик срывается. А через несколько минут — все по кругу.

Как-то я стояла в коридоре уже одетая для прогулки и ждала Максимку, когда он выйдет из своей комнаты. Наталья стояла рядом со мной и ждала старшего сына. Мы с Максимкой должны были идти гулять, а Саша с мамой — ехать на тренировку. И вдруг, внезапно, как она крикнет изо всех сил своим командным голосом в адрес Саши:

— Ты что там копаешься так долго, сколько тебя еще можно ждать? Быстро выходи из комнаты, мы уже опаздываем!

Я чуть не подскочила на месте от испуга и от неожиданности: в коридоре мы стояли рядом друг с другом, и она крикнула мне почти в ухо. Я бы никогда не позволила себе подобной выходки в присутствии другого человека. Но маме Максимки просто необходимо при любом удобном случае еще раз всем напомнить, кто главный в этом доме. А потом родители удивляются, откуда у детей их начинают появляться первые признаки заикания.

Вот так порой мы ведем себя. И если вникать в суть проблемы, то способствовать такому нашему безудержному поведению могут разные причины, которые, впрочем, никоим образом нас не оправдывают. Многие мамы таким образом

показывают, кто в доме главный, что власть в семье в ее руках и все должны подчиняться ей. В случае с семьей Максимки, мама их, как мне казалось, вела себя так только по отношению к сыновьям. С мужем ничего подобного она себе не позволяла, даже повышенных тонов в его адрес не наблюдалось, по крайней мере, в моем присутствии за все три года нашего с ними сотрудничества.

Подобное поведение женщины также могут провоцировать и проблемы со здоровьем. Такую нервозность могут порождать, например, нарушения в работе щитовидной железы, что действительно оборачивается проблемой для женщины, сама сталкивалась, знаю: безумная раздражительность, гнев, слезы, непонятные метания. Сама измучена таким состоянием, и твои близкие страдают. Жить с этим тяжело – и морально, и психологически. Не хотелось уж все сваливать на характер, понимала, что наверняка есть и какие-то другие причины, которые так усугубляют состояние. Следите за своим здоровьем, не запускайте себя. Но бывает, что никаких гормональных проблем и нет и нужно просто научиться справляться с симптомами, которые сопровождают нас, женщин из месяца в месяц: одни справляются с этим глотая обезболивающие таблетки скрючившись лежа на диване; другие – только благодаря службе скорой медицинской помощи и обезболивающего укола: кто-то готовит себя заранее к этим дням, начиная пропивать успокоительные капли за несколько дней до их прихода; ну а кому-то и вовсе все это

чуждо.

Резкие перепады настроения и нервные срывы в общении со своими близкими рано или поздно появляются у женщин, которые в своем желании быть везде и во всем «правильными» мамами порой доходят до фанатизма. Они стараются делать все безукоризненно, строго по расписанию, и все свое время полностью посвящают детям и мужу, совершенно забывая про себя. У них нет никаких увлечений, хобби, любимого дела, которому они посвящали бы хоть немного времени и которое приносило бы им позитивный настрой и радость. Вот и накапливается: «Один спасибо не сказал, другой спасибо не сказал – неблагодарные, а я из кожи вон лезу для них... и понеслось».

Проблемы личного характера в отношениях с мужьями – тоже одна из причин такого поведения женщин. Все отражается на наших детях. Но есть и много других разных мам. Есть мамы, которыми восхищаешься: как-то у них так получается – и ей хорошо, и всем хорошо, и без особых скандалов в семье обходится. Радуетесь за них, учитесь у них. И понимаешь, что решают они все семейные вопросы непременно с уважением друг к другу, на равных, по-партнерски. Они договариваются и между собой, и с детьми без криков и ругани. Не помогают крики и скандалы разрешить проблемы – не помогают, только усугубляют! Хоть головой бейся об стену, кричи, ругайся – никто тебя не услышит. Только раздражение и отторжение будешь вызывать у близких тебе

людей. Да, без ссор и без повышенных тонов, конечно, не обойтись, но крикам и скандалам лучше не давать воли хотя бы в присутствии детей.

В моей практике прослеживается такая тенденция: если в семье при наличии отца воспитание сына в свои руки берет мать, то ничего хорошего из этого не получается. Мамы делают замечания мужьям, если они вдруг чуть повысят голос на маленького сына. Если папа сочтет нужным сделать строгое замечание своему сыну, мама тут же сделает замечание мужу, убеждая его, что ребенок еще слишком маленький и не надо быть к нему таким строгим. У ребенка изо дня в день есть достаточно времени, чтобы оценить ситуацию и расставить приоритеты. Результаты такого отстранения папы от воспитания своего сына ждать долго не приходится – ежедневные капризы, вседозволенность, манипуляции мамой, также бабушкой и дедушкой при наличии таковых, становятся ежедневными. А когда малыш подрастает и оказывается, что мама уже выбилась из сил из-за такого плохого его поведения, не зная и не понимая, как дальше быть, тогда она, вдруг, начинает вовлекать мужа в процесс воспитания со словами: «Ты же мужчина, ты отец, сделай что-нибудь».

В семьях, где воспитанием сына пусть и занимается мама, которая по возрасту ребенка может позволить себе не работать, находясь с ним дома, но работающий папа при всей сложившейся ситуации контролирует данный процесс, не поз-

воля своей жене возлагать на себя всю ответственность за воспитание маленького мужчины, ребенок уже с самого раннего возраста понимает, каким правилам ему придется следовать. При наличии контроля отца за процессом воспитания у мальчиков – совершенно другое поведение: ни капризы, ни вседозволенность там недопустимы.

Пишу больше про мальчиков, потому что среди моих воспитанников, которым я посвятила большую часть времени, преимущественно мальчишки. Обстоятельства складывались так, что в приоритетах было поближе к дому, и график для себя удобный, и были это семьи с мальчишками.

Грустно наблюдать, как мама Максимки мечется в поисках гармонии, одновременно срываясь на крик при любом пустяке, если ребенок вдруг что-то сделал не так.

Как-то после прогулки Максимка мыл руки в ванной комнате и нажал на пробку в раковине, решил в воде ручки пополоскать. Увидев это, Наталья тут же сорвалась на крик, разыграв во всех красках возможную трагедию: что вода перелилась бы через край и что он мог бы затопить весь дом, если бы она вовремя этого не заметила. Ну как бы он затопил весь дом, если рядом с ним в квартире находятся два взрослых человека? Неужели подобная ситуация должна служить причиной крика на ребенка?

**

После полуденной прогулки, в ожидании ужина Максим-

ка играет в «войнушку», я нахожусь рядом, читаю итальянский, который изучала на тот период. Расставляя солдатиков, он залазит под свою кровать – она достаточно высокая, туда и взрослый при желании залезть может, – и начинает «военные» действия. В комнату в этот момент заходит мама и как закричит на Максимку:

– Ты куда полез? Немедленно вылезай! Ты в белой футболке, сейчас всю пыль там соберешь. Совсем головой не думаешь?

Каждый день ребенок проводит, играя на полу. Если вы так переживаете за то, что он испачкает белую футболку, зачем тогда ее надевать, чтобы потом в течение всего дня одергивать ребенка? Под кроватью нет накопившейся пыли: кровать детская, передвижная и пол моется под ней во время каждой уборки. За что накричали на ребенка – непонятно...

**

В очередной раз мама заходит в детскую и видит, как Максимка, играя в маленькие гоночные машинки, разложил их на заправленной покрывалом кровати, в изголовье. Не сдерживая своего возмущения, она тут же переходит на крик:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.